

**Юрий Александрович Никитин
Алексей Васильев
Михаил Уткин
Артем Тютюнников
Евгений Крылов
Аянбек Досумбаев
Александр Сигида
Александр Трошин
Сингулярность (сборник)**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182945
Сингулярность: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36059-8*

Аннотация

Это первый в России и вообще в мире сборник рассказов, целиком посвященный невероятному будущему, которое в самом деле наступит. И в нем, как это ни покажется странным, нет места громадным звездолетам и космическим пиратам, что добывают руду в дальних мирах, нет звездных наемников и нет звездных войн с применением лазерных пушек и лазерных мечей, нет бунтующих роботов и бледных мутантов.

Это сборник рассказов о том будущем, которое в самом деле коснется всех вас.

Содержание

Предисловие	4
Алексей Васильев. Ложь	5
Михаил Уткин. Оцифровка	11
Михаил Уткин. Удачная модель	15
Михаил Уткин. Шаг	20
Алексей Васильев. Живые мысли	31
Александр Трошин, Михаил Уткин. Отбор	37
Александр Сигида, Михаил Уткин. Серая топь	46
Артем Тютюнников. Музыка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Васильев, Михаил Уткин, Юрий Никитин, Артем Тютюнников, Александр Сигида, Евгений Крылов, Аянбек Досумбаев, Александр Трошин Сингулярность (сборник)

Предисловие

Наконец-то свершилось: у вас в руках первый у нас в стране и вообще в мире сборник рассказов, целиком посвященный невероятному будущему! Реальному будущему, которое наступит на самом деле. И в нем, как это ни покажется странным, нет места громадным звездолетам и космическим пиратам, что добывают руду в дальних мирах, нет звездных наемников и нет звездных войн с применением лазерных пушек и лазерных мечей, нет бунтующих роботов и бледных мутантов.

Это сборник рассказов о том будущем, которое **в самом деле** коснется всех вас. К примеру, многие из вас могли предположить появление, скажем, мобильного? Никто, даже фантасты и футурологи. А он изменил уже вашу жизнь, а не ваших прапраправнуков. И такие изменения, куда более ошеломляющие, вскоре обрушатся лавиной.

Скажу честно, создавался сборник с невероятными трудностями. Понятно же, что нам всем было куда проще о магах, алхимиках, некромантах, колдунах, рыцарях и драконах, принцессах, орках и эльфах! Это, как вы понимаете, пишется намного легче. Без труда, без усилий, без мозгового штурма, да и читается проще. А вот о близком будущем... и писать очень нелегко, и, читая, сам вертишь носом...

Да, кстати, было наложено еще одно очень серьезное ограничение. Не будь его, абсолютное большинство рассказов были бы антиутопичными. Все мы люди, и всем нам гораздо приятнее описывать ужасы и катастрофы, что случатся по вине тупых ученых, а вот мы, такие умные, все предусмотрели и предупреждаем, предупреждаем, предупреждаем! То есть сами придумаем какую-то ерунду, а потом с самым серьезным видом предостерегаем, что, дескать, люди, будьте бдительны! Этого не должно случиться!

Так что, понимаете, трудно было выжимать положительное, потому что все мы – писатели в первую очередь! – бунтари и ниспровергатели, ломать и рушить, как и говорить «нет!», куда легче и приятнее, но все-таки из детского бунтарства поднимались выше и пробовали положить свою песчинку в фундамент великого строительства.

А еще никто нас не заставлял выпустить сборник ко дню Великой Победы над гуннами, так что сборник набирался медленно и тщательно. Потому здесь нет стандартных и узнаваемых рассказов с надоевшими темами и стандартными сюжетами. Здесь то, что случится уже с нами, с вами или... может случиться.

Но от этого будущее не становится менее волшебным, чем если бы его творили все феи мира, вместе взятые. Нет, оно будет намного более чудесным и волшебным!

Читайте!

И вместе с нами входите в ужасный и прекрасный мир, что начинается уже сегодня. Сейчас.

Успехов!

Юрий Никитин

Алексей Васильев. Ложь

Максимус с трудом выбрался из переполненной пассажирской пули. Осенний ветер не сразу смог остудить разгоряченное необычной давкой тело. Макс спустился с эстакады и торопливо зашагал в сторону Генцентра.

Об операции он узнал неделю назад. Медики разработали новую технологию перестройки ДНК, и им требовался подопытный, доброволец, согласный либо умереть на операционном столе, либо получить вечную жизнь – бесплатно. Операция на генах стоит не один миллиард единиц, и мало кто из обычных людей становится богом.

До начала процедуры оставалось три часа.

В подземном переходе Макса сдавили так, что затрещали ребра.

Откуда столько, удивился он. В желудке похолодело – людским потоком Максимуса вынесло на площадь перед Генцентром, огромную, как аэродром.

Он оказался не единственным добровольцем.

Площадь была переполнена, и множество улиц, выходящих на нее, нескончаемо выплескивали новые реки жаждающих. Максимуса от ворот Центра отделяло несколько сот шагов и много-много тысяч людей, готовых лечь на операционный стол.

Над площадью стоит неумолчный гул, толпа спрессована, но уплотняется еще, растет. Это нечто цельное, это какое-то ужасное тысячеголовое существо, с которым невозможно бороться...

Раньше надо было приходить, с отчаянием подумал Макс. Наверное, с ночи места занимали...

Он был не прав. Многие провели перед Центром несколько дней.

Максимус попытался вклиниться в живую массу, но тщетно. Прижав руки к груди, помогая локтями, он протискивался вновь и вновь, а когда удалось продавиться чуть, его кто-то с силой потянул за плечо. Обернувшись, увидел бледного парня, пытавшегося вытолкнуть его. Площадь продолжала заполняться, и опоздавшие старались так же пробиваться вперед.

– Ты чего? – возмутился Макс.

В ответ парень ударил его в лицо. Защищаться Максимус не мог – руки были прижаты, не высвободить. Отвернулся торопливо, навалился на тех, кто впереди, заливая кровью чью-то спину.

Что они все делают, недоумевал Макс, чувствуя, как его продолжают выталкивать. Напрягая все мышцы, сопротивлялся как мог. Сзади били по голове, затем ухватили за волосы, потянули так, что из глаз брызнули искры. Он отчаянно рванулся. Кожа затрещала, макушку пронзила жгучая боль.

Изо всех сил упираясь ногами, Максимус давил на передних, рыча от напряжения. Хватка ослабла, и он почувствовал, как продвинулся вперед, совсем немного, на шаг, но это придало сил. Макс рванулся сильнее. Ощущение было такое, будто тащит пассажирскую пулю, набитую до отказа, но удалось протиснуться вперед еще. И еще. Сзади закричала женщина, слышались звуки борьбы, треск.

В толпе душно, жарко, как в адской домне. По телу побежали горячие ручьи, сырая рубашка прилипла к спине.

Так и умереть можно, мелькнула жутковатая мысль. Но умирать нельзя, некогда. Неужели кто-то другой, тот, кто стопчет его тело, равнодушно перешагнет, сегодня обретет настоящую жизнь, а он будет мертвым? Нет, скорее в руки медиков попадет кто-то из тех, кто в первых рядах... Кто пришел сюда раньше!

Сволочи!

Максимус сдавленно закричал и рванул вперед.

Он понял, можно продвигаться быстрее. В толпе много женщин и детей, – им-то зачем, возмутился Макс, – они слабее мужчин, их легче выталкивать, освобождая место. На него, конечно, немедленно найдутся желающие, но надо быть быстрее...

Одна сопротивлялась долго, но Макс ухватил за длинные волосы, потащил с нечеловеческой силой, так, что у женщины запрокинулась голова, он увидел выпученные глаза и выгнутую шею, белая кожа сильно натянулась, готовая вот-вот разорваться. Стоящий рядом мужчина с крохотной девочкой на плечах вскрикнул, потянул женщину на себя, но был скован толпой, их тут же расцепило, детский голос выкрикнул испуганно:

– Мама!

Максимус стремительно занял проделанную брешь, рядом увидел стеклянные от бешенства глаза.

– Сука! – крикнул мужчина. – Что ж ты делаешь!

Справа упал человек, его стоптали мгновенно, он пытался подняться, но на него уже наступали, давили. Некоторое время он стоял на коленях, упираясь руками и что-то крича неразборчиво, кто-то вскочил ему на спину, придавил тяжелым ботинком голову. В суете Макс сумел отдалиться от опасного соседства.

– Мама! Мама!

– Я убью тебя, сука, слышишь? – кричал мужчина с ребенком громко и страшно.

Но Максимус уже далеко. Здесь, ближе к воротам, ведущим в Генцентр, толпа много беспокойнее. Сзади постоянно давят, пытаются опередить, вытолкнуть, стоптать. Рядом – единственно достойная человека награда. Один из всех останется жить. Остальные – уже мертвы.

Толпа мертвецов, подумал Максимус. Тысячи трупов, что пытаются обрести истинное воскрешение. Все они – мертвы. Сегодня, завтра, через десять лет... какая разница? Если тебя не будет – тебя нет. Только он достоин, лишь один... Неужели кто-то другой завладеет вечностью?

Оскалив зубы, он рвался вперед.

Впереди сдавленная озверевшей толпой старуха. Невысокая, но крепкая, упираясь, выгнула спину, не дает оттащить себя назад.

Бешенство поднялось раскаленным комом, от приступа ненависти на глазах выступили слезы.

Что ей, уже пожилой, и немало? Что ей здесь? Как смеет она стоять на пути? Старая тварь, что она знает о бессмертии? Хочет помолодеть? Снова хочет жить?

– Ты! – зарычал Макс. – Ведьма...

Он обхватил дряблую шею, сдавил. Старуха почти не сопротивлялась, хрип не слышен в шуме толпы, Макс сжимал с такой силой, что, если бы не позвоночник, соединил бы ладони. Торопливо шагнул на освободившееся место, но споткнулся о тело, пошатнулся. Тотчас последовал крепкий тычок в бок. Сзади навалились так, что хрустнули ребра. Некоторые уже сломаны, как бы не проткнули что-нибудь важное...

Кто-то нетерпеливый уже лез на него, стараясь подмять, но, едва не потеряв равновесие и не упав, Макс все же сумел податься вбок, вклиниться между телами. Сзади тут же принялись бить по голове, терпеть можно, здесь не размахнешься, но Максимус торопливо навалился на передние ряды.

Крики, рев, удары со всех сторон.

– У него нож! – вскрикнула женщина рядом, а через миг раздался страшный, нечеловеческий вой.

Максимус инстинктивно постарался опустить руки, прикрыть уязвимые места, а они все уязвимые, но не смог. Толпа бурлила, словно кипяток в котле, до забора считанные шаги,

всего несколько рядов... Ворота много левее, к тому же закрыты, надо через высокий решетчатый забор.

Благодаря невероятным усилиям приблизился к нему на пару шагов. У забора – живой вал, по нему карабкаются люди, падают, их стаптывают наступающие ряды, вал растет на глазах, но преграда все еще высока...

Толстые прутья, похожие на воткнутые в бетонное основание наконечниками вверх копья, выпядят несокрушимо, скреплены внушительными перемычками, за них цепляются, словно за перекладины лестницы, лезут наверх. С внутренней стороны вдоль забора – узкая асфальтовая дорожка, за ней – невысокий пластиковый барьер, за которым стоят люди в камуфляже – встревоженная охрана Генцентра.

Максимус видел, как кому-то удалось вскарабкаться на забор, но бушующая толпа с ревом потащила обратно, несчастный, опрокинувшись, напоролся на штырь, и тот, пробив ляжку, высунул заостренный конец с другой стороны, чуть выше колена. С криком ужаса и боли человек повис вниз головой. Его дергали, пытались стащить, но штырь держал крепко, что лишь раззадоривало тех, кто внизу...

Макс прыгнул на шевелящийся вал, сватился за прутья. Сзади навалились, кто-то дернул, со страхом Макс понял – сейчас и он окажется внизу, но смог вывернуться, едва не задохнувшись от боли – поврежденные ребра чуть не проткнули его изнутри.

За прутья ухватился оттолкнувший его здоровяк. Макс схватил его за куртку, потащил, обламывая ногти, но тот лишь сильнее цеплялся за ограду. Максимус принялся бить, вкладывая в удары всего себя, но крепыш словно не чувствовал. Прочная кожаная куртка туго обтянула мощное тело, под ней – внушительный слой жира и мускулов, без размаха не пробить. Но уже не только Макс оттаскивал здоровяка. В несколько рук удалось оторвать его от забора, и он пошатнулся, стараясь удержаться на шевелящейся живой массе, а Максимус тут же занял его место, к досаде задних рядов, только что дружно ему помогавших.

Кто-то с пронзительным визгом принялся бить в спину, как до этого бил он. Вот уже несколько человек пытались выдернуть Макса из занятой им каверны, вот он чувствует то же, что и мгновения назад – здоровяк, его толкают, тянут и бьют. Кто-то укусил его за ухо. По щеке побежала щекочущая струйка. Сдавленный, Макс не мог обернуться. Он резко откинул голову. Из глаз брызнули искры, ноги на миг подкосились, но сзади раздался вскрик. Крохотная победа придала сил.

Рывок! – и он уже на верхней перемычке, держится за острия копий, снизу не достать, но забор ощутимо качается, равновесие держать трудно, как бы не упасть, как тот, который проткнул ногу...

Макс с силой оттолкнулся и прыгнул, стараясь оказаться подальше от забора: видел, как тех, что перелезли, хватали, тянули обратно, разбивая головы о прутья.

В лодыжке звучно хрустнуло, и мозг взорвался ослепительной болью. Макс закричал, упав, а сверху обрушился тот самый здоровяк в кожаной куртке. В глазах потемнело, Макс показалось, что все, конец. Руки ухватились за пластиковый барьер, Максимус подтянул себя к нему, выбравшись из-под упавшего. Крепыш схватил за поврежденную ногу, потащил. Вспышки боли нестерпимы, но Максимус отбивался, стараясь угодить по ненавистному лицу здоровой ногой. Он никак не мог по нему попасть, здоровяк дергал головой, уворачиваясь, заплывшие глаза смотрели тупо, в них была животная жажда жизни.

Несколько раз Макс попал, хватка ослабла, а он ударял еще и еще, нужно было спешить, чудовищный вал под забором растет очень быстро, скоро толпа хлынет волной!

Перебирая руками и помогая здоровой ногой, Максимус поднялся и оперся о барьерчик, чтобы немного передохнуть. Перелезть последнее препятствие ничего не стоило, пластиковая преграда высотой по грудь, но уже спешит к нему одетый в форму человек!

– Нельзя! – яростно отрубил он, подбегая.

– Слушай, друг... – лихорадочно заговорил Макс. – Я... ты... помоги.
Тот покачал головой и недвусмысленно положил руку на автомат.

– Нельзя!

– Брат... я... вот, я копил всю жизнь. На, держи.

Макс достал кредитку, на которой было не больше сотни.

– Код: девять, семь, три, шесть. Десять миллионов единиц. Я копил всю жизнь, понимаешь? Держи. Пропусти?

Охранник закусил губу.

– Я быстро... Я копил, понимаешь? Мне очень надо...

– Девять, семь, три, шесть? – приглушенно переспросил человек в форме.

– Да.

Максимус протянул карточку.

– Даю две секунды, – шагнул в сторону охранник.

Макс перевалился через преграду и, рыча от боли, захромал к зданию. Сзади кричали, но он уже толкал тяжелую дверь.

– По коридору направо, до лестницы, на третий этаж... – испуганно объясняла девушка, встретившаяся в холле.

Он поднялся, а когда открыл дверь, словно тяжелый таран ударил в грудь, сбивая с ног. Третий этаж был заполнен добровольцами.

Здесь было много спокойнее, чем снаружи. Все словно чего-то ждали. Обессиленный, Макс с облегчением прислонился к стене. На какой-то момент его охватило безразличие. Легкие разрывались, закашлявшись, он выплюнул тяжелый темно-алый сгусток. Виски сдавила боль, да так, что Максимус едва устоял. Действительность стремительно раскачивалась, пол выскальзывал из-под ног. Стена побежала вверх, но, сползая в беспамятство, сквозь черный туман Макс услышал:

– Четвертая отрицательная у кого? Операция возможна только с этой группой.

– У меня, – прошептал Макс. – У меня! Пропустите...

– У кого, повторяю, четвертая отрицательная? Остальные, выйдите, операция невозможна.

– Скажите ему, у меня четвертая... У меня... пожалуйста!

Его не слышали, а может, не хотели.

Ладони скользили по стене, но Макс смог подняться. Выставил локти и сделал первый шаг. Люди, очевидно, не знавшие, что происходит внизу, с удивлением смотрели на него, спешили расступиться.

Но и здесь атмосфера накалена.

Кто-то плачет, а истеричный женский голос повторяет:

– Доктор, у меня дочка, она смертельно больна... можно ее? Это последний шанс... доктор... пожалуйста!

Максимус наполовину в беспамятстве, почти ничего не видит, проталкивается на голос, главное – не упасть, людей немного, они не толкаются, не напирают...

– Пожалуйста, доктор.

Уже рядом! Он близко!

– Группа у дочки какая?

– Вторая. Ну неужели никак нельзя?

– Сожалею...

– Ну, тогда хотя бы меня, доктор, у меня четвертая...

– Мама, ты чего?

– Отстань! – визжит женщина.

– Ты лжешь, – хрипло прорычал Максимус, оказавшись рядом. – У меня четвертая отрицательная! Вот мой маячок. Видите? Покажите свой!

Женщина закричала, попыталась вцепиться в волосы. Ее оттащили двое крепких парней – очевидно, охранников.

Перед Максимусом стоял человек в светло-синем халате.

– Заходите, – коротко сказал он, с удивлением глядя на избитого, окровавленного мужчину в разорванной одежде.

– У меня тоже четвертая!

Передние ряды раздвинулись, выпуская лысого толстяка. По его багровому лицу бежали ручьи пота. Толстяк тяжело дышал, но когда посмотрел на Максимуса, подбитые глаза сверкнули нешуточной злобой.

– Заходите оба, – не раздумывая, сказал медик. – Проводите остальных, – добавил он верзилам. – И двери, двери, сейчас с улицы повалят...

Оказавшись в небольшом зале, медик первым делом закрыл дверь.

– Господи... – пробормотал он. – Какой кошмар.

Что теперь? – лихорадочно думал Максимус. Кого выберут?

Медик не мешкал. Снял с пальца кольцо, зажал в кулаке. Заложил руки за спину, через миг протянул толстяку.

– В какой руке? – жестко спросил он. – Вытащишь кольцо – оперируем тебя.

Толстяк закусил губу.

– Ну же!

Застонав, ткнул в левую.

Доктор медленно разжал кулак.

Сердце Макса повисло на ниточке.

Но не выдержал толстяк. Вдруг захрипел, задергался, резко и сильно посинел, часто задышал. Упав на колени, схватился за грудь, затем завалился на бок. Дернулся и затих, разбросав руки.

Не веря глазам, Макс наклонился над ним. Сомнений не оставалось.

– Доктор! Да он умер! – радостно закричал Максимус. – Он умер! Умер! Наверное, сердце не выдержало!

Человек в халате схватился за голову.

– Какой кошмар... Больше не допущу. Идемте скорее! О нем позаботятся.

И вот, после ряда процедур, облепленный проводами, он сидит напротив группы медиков. Ему меряют пульс, осматривают лодыжку, светят в заплывшие глаза...

Он смеется радостно, из сломанного носа опять бежит кровь, а сердитый человек в архаичных очках кричит:

– Да успокойся! От сердца умереть хочешь? У тебя пульс как чечетка. Инъекцию не сделать, схватит моментально!

И Макс бесполезно пытается унять разбушевавшееся сердце, но ему дают чего-то выпить, а затем колют в вену, чуть ниже локтя. Он засыпает и не слышит, как на улице стреляют в неуправляемую толпу, проломившую забор, звучат сирены – на помощь охране прибыло подкрепление, из водометов бьют тугие струи...

Максимус пришел в сознание через три месяца. В теле – упругая сила, сознание ясное, и нигде ничего не болит. Волна счастья накрыла его. Он чувствовал, что стал бессмертным, стал богом, испил из чаши с амброзией. Но вот уже ему не терпится покинуть стены Ген-центра, чтобы испытать себя и насладиться положением олимпийца.

Работники Центра без конца осматривают, проверяют, хотя ему и так ясно: он – небожитель.

Из таблоидов Макс узнал о последствиях той давки – на площади погибло много людей, и правительство отныне запретило такие проекты.

В запястье вшили нечто напоминающее пуговицу, а на вопрос «Что это?» главный ответил:

– Информатор. Снимает генданные и передает в Центр. Контролирует ваше состояние. Оберегает.

Он был хороший человек, главный медик. Ведь это он, чтобы избежать беспорядков, придумал, что требуется человек с четвертой, самой редкой группой...

Группа крови не играет роли, но, чтобы избежать взрывоопасной ситуации, что неминуемо последовала бы при выборе добровольца, главный поставил фильтр и выбрал самую мелкую мембрану...

А Максимус прошел отбор.

Он смотрел на пролетающий мимо город. Пуля шла по второму полукольцу, с перебором через площадь Генцентра.

– Глупцы! – услышал хриплый голос. Справа, перегнувшись через его плечо, в окно на высокое здание глядел сосед, плешистый человечек с тусклыми глазами.

– Почему? – без интереса спросил Максимус.

– Человек не должен жить вечно. Но, знаете, слышал, есть те, кто соглашается по доброй воле... – сказал тот, трагически понизив голос.

Максу стало смешно. Он вспомнил площадь.

– Вы бы тоже согласились. Это заветная мечта.

Человечек энергично затряс плешистой головой.

– Знаете, у таких людей нет стимула... вечноживые растения!

Максу стало скучно. Рядом сидел завтрашний труп.

– А что вы думаете? – спросил пожилой. – Не правда ли, жизнь прекрасна потому, что коротка?

Максимус равнодушно смотрел в окно.

– Думаю, вы лжете.

Михаил Уткин. Оцифровка

Полифазный сон – штука замечательная. Три часа бодрствуешь, полчаса спишь, потом новый цикл. Так сэкономишь часа четыре в сутки. Академик за много лет привык к такому режиму и с ровной твердой кушетки вскочил полный сил и энергии. Запищал таймер, и стена разом зажглась десятками экранов. Обычно приходилось скрывать «зрение хамелеона» от людей, но дома некому пугаться жутковатого зрелища – независимо вращающихся глаз. Метод Шоу – Дао разделения полушарий мозга позволяет разом отслеживать, запоминать и сортировать море информации. Большинству людей и одна линия мышления недоступна, он же удерживает четыре.

«Сегодня, пожалуй, самый важный день в жизни. И самый опасный...» – академик обратил внимание на кольнувший шильцем страх. С интересом исследователя рассмотрел и мысленным щелчком отправил в спинной мозг.

Пора отправляться в лабораторию. Тугой и плотный, как баскетбольный мяч, он промчался по комнате. Через десять секунд белый костюм надет, а входная дверь докладывает в удаляющуюся спину список замков по умолчанию.

«Вчерашний чай яду подобен», – подумал круглолицый одутловатый мужчина. Тяжело вздохнул, шаркая растоптанными шлепанцами, потащился к холодильнику. Весело пшикнула пивная банка. Пять жадных глотков, поперхнулся, закашлялся. Рыжий кот с белым ухом уставился оранжевыми глазами.

– Сглазил, скотина! – буркнул хозяин, натягивая обвисшие коленями треники на круглый живот.

Откусил от огрызка колбасы, бросил на пол.

– Скотина, – это снова коту, сделавшему вид, что вылизывать лапу интереснее. Сигарета уткнулась в уголок рта, чиркнула зажигалка. Нестриженный ноготь отодвинул замочек форточки. На улицу вылетела струйка дыма. Порыв ветра разом скомкал, унес ее вдоль стены. На кафель сыпанула горсть снега. Рассеянные мысли вяло ворошатся:

«Скоро выезжать... форточку прикрыть не забыть... В лаборатории вроде все проверили... ну да без труда не вытащишь и рыбку из пруда... Скотина, кастрировать надо... Если и этот опыт провалится, тему закроют... Все равно... Сильно дует, как бы не простыть... Если закроют, все равно главному лаборанту найдется дело, все-таки стаж двадцать лет... скотина, колбасу не жрет... кхе-кхе, курить надо бросать...» Думы бегают словно отравленные тараканы – кривыми кругами. Недоуменно трогают друг друга усами, падают, сучат лапками и наконецдохнут.

– Неужели вам совершенно не страшно?! – дрожащим голосом спросил тощий желчный мужчина небольшого роста. За маленькими круглыми очками – испуганные карие глаза.

– Сергей Семе-оныч! – академик добродушно похлопал собеседника по плечу. – Ну что вы трясетесь, право слово. Ведь все программные ляпы исправили? – Собеседник уселся в широкое кресло.

– Исправили! Но и предыдущие два эксперимента перевода человека в цифру казались идеально подготовленными! Цезарь Ипатьевич!

– Ну что вы, право слово! Недочеты исправлены, бумаги подписаны. Суды, ряды, правозащитники, родственники... все согласовано и увязано. – Он пристегнул ремни на ногах, начал возиться с подлокотными фиксаторами.

– Но вы же создатель оцифровки человека! И именно вы заложили костяк программ перевода человеческих эмоций и интеллекта в цифру! Именно вы творец теории невозможности искусственного интеллекта!

– Да, да... знаю, – буркнул подопытный, – ну, помогите пристегнуть руки! Включите наконец автоматику! Я не передумаю! И вообще, мы не вправе после двух неудачных экспериментов задействовать людей!

– Но они же сами согласились! Писатель и доктор наук были фактически при смерти...

– Вот именно! Может быть, именно этот факт повлиял! А искусственный интеллект создан, не утрируйте.

– Да! И тут же впал в кибернетическую нирвану. Сразу же! Ваша же теория...

– Моя теория также не подтвердилась! Пакет программ переведенных людей просто исчезал!

– Профессор! Но вы же еще сильны и полны энергии...

– Сергей Семенович, вы не хуже меня знаете, что программы перевода в цифру животных включались лишь в момент физической смерти исходных носителей!

– Но это, не впадая в метафизику, невозможно объяснить!

– Так и не будем объяснять! Просто следуем экспериментальным данным! Это есть, и точка! – Профессор решительно закусил кляп и глазами велел продолжать.

Сергей Семеныч тяжело вздохнул и перевел красный ключ на «вкл». Сразу напряглись и подтянулись к подлокотникам наручи, опустил, тихо жужжа, шлем.

– Ну, давайте, с богом.

Академик кивнул, глубоко вдохнул. Несколько секунд, и приборы показали релаксацию. Операции отработаны до мелочей. Сергей Семеныч побледнел, на тощей шее заходил кадык, пытаясь сглотнуть пересохшим горлом.

Надувной костюм зашипел, прижал датчики и электроды к телу. Чуть подвигался, корректируя точность попадания на нужные точки. И наконец надулся туго, прочно фиксируя тело.

Электроника считывает личность. На экране, помимо столбиков цифр, отражается визуальная информация. Ряд первичных реакций: боль, страх, радость – сменяется более тонкими эмоциями, чувствами.

С профессора катит пот градом. Лаборант у рубильника ждет сигнала. Смотрит хладнокровно и немного сонно.

Вспомогательная аппаратура слой за слоем снимает данные. В венах подопытного уже пульсирует физиологический раствор. Наконец самый длинный период – сканирование памяти – завершился. Завыли вспомогательные генераторы, на экранах отразилось совмещение личности с созданной базой данных. Пять секунд, десять, минута, две секунды...

– Выключай! – заорал профессор. Щеки посинели, на висках вздулись вены. Нервный тик задергал глаз вместе со щекой...

Резкий сухой треск, словно о великанское колено сломали толстое бревно. Моргнул свет. Тело в кресле дернулось даже сквозь фиксирующий костюм. Запахло паленым мясом и озоном. В обрушившейся тишине шаги экспериментатора раздалились как тиканье последних секунд перед взрывом. Медленно профессор приподнял забрало, уставился в выпученные глаза академика. Машинально провел рукой по ставшему мертвенно-коричневым лицу, пытаясь прикрыть веки. Но сварившиеся выпученные глаза не закрываются. Он всхлипнул, как-то боком пошел к стеллажу, прислонился лбом к холодному металлу.

– Я освобожу кресло, – спокойно сказал лаборант.

– Ты! Ты! Палач! – вдруг взвизгнул профессор, схватил сотрудника за грудки. Пуговицы брызнули, запрыгали по белому полу. Круглая голова лаборанта затряслась, как у тряпичной куклы. Слова превратились в испуганное мычание. Наконец острый кулачок

отшвырнул увесистое тело. Сергей Семенович без сил опустился на пол, и слезы потоком хлынули по худому лицу.

– Не может быть, – тупо сказал ассистент, массируя место удара, – мы три раза проверили и перепроверили данные. Я лично просматривал все таблицы и подключения. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда... Опыт поставлен идеально.

Он аккуратно переместил манипуляторами тело на каталку. Коротко вспенилась дезинфекция. Взыла сушилка. Продолжая бормотать, лаборант сам сел в кресло.

– Ничего не понимаю... Разве что сглазил кто... Зажимы в норме, – щелк-щелк. Автоматика отметила изменение массы, тихо загудела. – Шлем в норме. Наручи... Даже загубник в норме. Эй, профессор, я все проверил заново. Все в норме. Выпустите меня отсюда.

У профессора глаза полыхнули свирепым огнем.

– Проверил, значит, чертов тупица! Нет, ты еще не проверил! – Глаза загорелись сумасшествием.

Профессор подлетел к пульту. Шлем защелкнулся, из-под забрала раздались невнятные завывания. Пальцы промчались по клавиатурам, рычажки, регуляторы... И наконец последний рывок спятившего – за большой рубильник. Треск! И сумасшедший хохот профессора наполнил лабораторию. Седые волосы встали дыбом, как у веселого Эйнштейна. Он свирепо опрокинул высокий шкаф, вознес тяжелый стул над сплетениями аппаратуры...

Пик. Пик. Пик... вдруг отчетливо замигала зеленая лампочка индикатора. Процессор ожил, пошла загрузка. Зашелестели вентиляторы. Сергей Семенович закашлялся, из глаз ушла муть. Он осторожно приблизился к монитору...

– Мы в корне ошибались, пытаюсь перевести в цифру людей творческих. Все-таки люди отличаются намного сильнее, чем думали. Наша методика оказалась действенной не для всех. И все-таки наука на верном пути! – Профессор окинул острым взглядом шевелящуюся массу журналистов. Они тянут разнокалиберные микрофоны на длинных штативах через головы ряда солидных людей с бейджиками «Комиссия». – Случайно удалось оцифровать и вселить в сеть человека банального. Человека, буквально жившего автоматизмами и мыслявшего стереотипами. В его сознании постоянно что-то путалось, крутилось, рвалось и бес толково перемещалось. Все необычное ускользало из поля внимания. Эмоционально-чувственная сфера была фиксирована в положении «равнодушие». Этот индивид совершенно точно знал, за какое правительство голосовать, знал, что нужно сделать для вывода из кризиса экономики. Знал, что водку нужно пить с пивом, иначе деньги на ветер. Знал, что курить вредно, но бросит потом. Знал, что нужно заниматься зарядкой, но приятнее не заниматься. Он жил телесными инстинктами, жизнью автомата... И, как видите, не заметил особой разницы, переселившись в компьютер!

– Заметил! – гулко возразили динамики. Представители комиссии отшатнулись, журналисты, напротив, полезли микрофонами к динамикам.

– Что, что вы заметили?! – неслось со всех сторон.

– Заметил, что вот только в таком виде и начал жить! Мне это нравится!

– А вы не обижаетесь на нелицеприятные оценки вашего... э-э... коллеги?!

– Это факты. На факты глупо обижаться. Сергей Семенович, извините, что перебил. Продолжайте, пожалуйста.

– Благодарю, – ядовито буркнул профессор. – Таким образом, первым ИнКом – интеллектом кибернетическим – стал, в общем, вот такой... гм. Но в отличие от искусственного интеллекта он обладает неоспоримым плюсом. Плюс этот – наличие интереса! Ему действительно интересно выполнять тонкие и сложные операции, увлекают точные вычисления. Нравится проверять и перепроверять массу данных, управлять механизмами, кропотливо выискивать ошибки и просчеты. В общем, перелопачивать гору рутины.

– А насколько у инка мышление быстрее человеческого?

– Ну, смотря что вы подразумеваете под мышлением. Считает он очень быстро – вычислительные мощности внушительные. Но когда дело доходит до решения задач, скорость резко падает. Чтобы резюмировать, он вынужден до конца отслеживать множество ложных ответов и тупиковых решений. Впрочем, человек десять квалифицированных сотрудников заменять может. Ну и опять же, он сильно зависит от базовой информации на сменном харде.

– То есть память у него меняется в зависимости от поставленной задачи?

– Да, так для него постоянно все свежо и ново. Соответственно, интересно. Но, в общем, мы планируем создать базу данных из его памяти и объединить их в сеть...

– То есть пока у него, как у склеротика, постоянно хорошее настроение? Каждый день новости?! – с сарказмом спросила коротко стриженная журналистка. Раздался смех.

– Если нет постоянной памяти, что в нем вообще осталось человеческого?

Профессор натужно усмехнулся:

– Ну, человеческим остался набор программ – характерных эмоционально-интеллектуальных реакций. Полностью осталась и человеческая память. Но остроты ваши неуместны. Он остановился в развитии в человеческом теле и не имеет ни малейшего желания развиваться и в электронном виде. Хотя возможности самопрограммирования, выхода в Интернет заложены по умолчанию. Впрочем, это пошло на пользу. Как говорится, пусть все цветы цветут... даже если это не цветы. Неизвестно, какой компонент понадобится цивилизации для нового варева.

– ИнК. Повтори, что сказал! – Сергей Семеныч строго уставился на блоки процессора. В динамиках сразу забубнил низкий голос бывшего лаборанта:

– Мы ошибались, ожидая немедленного результата от творческих личностей. Дело в том, что они всю жизнь развивались. Перевод же в цифру позволил невероятно ускорить саморазвитие. Таким образом, они мгновенно превратились в нечто совершенно непостижимое. К тому же, похоже, элементарно утеряли интерес к людям. Они просто ушли в сеть, ведь виртуал стал для них реалом. Сейчас у людей оцифрованных совершенно неведомые структуры и мотивы, стоит ли удивляться отсутствию сигналов?

– Все верно. – Сергей Семенович усмехнулся, положил на стол толстую папку документов. Кресло охватило конечности, и на голову плавно опустился шлем.

Михаил Уткин. Удачная модель

– Ра-аз, два-а! – Вдоль позвоночника громадного мужчины вздулись два вала мускулов. Ствол поваленной сосны в два обхвата неуверенно шевельнулся. Растопыренные пальцы, словно стальные крючья, погрузились в кору. – Взяли! – зычный выкрик взвился в небо. Любопытствующий сокол вздрогнул и, несолидно перебирая крыльями, отлетел парить подальше. Жесткие корневища лопаются звонко, словно перегруженные стальные тросы. Обрывки яростно хлещут землю. Наконец бревно отлетело в сторону. Пушистая крона подпрыгнула, осыпав кожу дождем шишек и иголок.

Потянул за хрустнувшую фалангу пальца – осторожно извлек сверкнувшую серебром паутинку. Нанопила ждущее задрожала между вытянутыми руками. Несколько четких движений, и коряга выворотня превратилась в грозную фигуру лезущего из-под земли паука.

«Чтобы стало красиво, нужно всего лишь удалить лишнее. Гармония восстановлена», – Вандар одобрительно хмыкнул. Ноготь щелкнул – вернулся на место.

Освобожденная из-под ветвей тренога вцепилась мощными лапами в почву. Палец уверенно ткнул серое пятно сенсора на коробочке-«мыльнице» передатчика. Устройство успокаивающе пискнуло и исчезло – восстановился камуфляж.

Ван четко продиктовал:

– Повторное тестирование инфразвукового фрагмента периметра проведено. Ослабление сигнала – следствие упавшего дерева. Цепочка генераторов страха восстановлена.

Пограничник на полставки. Но, в общем, ничего приработок. А дел немного – подтвердить «табу» для подконтрольных поселков. В глубь технозоны защита посерьезнее. Но это не его территория. Пусть изнутри заботятся. Войти можно, но делать биотрансу там нечего.

Порядок. Дело сделано. Вандар поднял сомкнутые руки над головой. Посгибал туда-сюда, потянулся. Древняя привычка – всегда невольно прислушиваешься, не раздастся ли сладкое похрустывание. Правда, шаровые синтетические суставы не балуют посторонними звуками. Ну да ладно, зато степеней свободы больше. Сгибатели совместил с разгибателями, построил аж четыре бицепса... Конечно, пижонство, но рука стала выглядеть красивее. В локте гнется в любую сторону. Вбок тянут два изящных мышечных узла. Вздулись, облегая кость, верхний шар вписался между... Хе-хе, как мальчишка... тоже мне Нарцисс.

Дерн упруго пружинит под пальцами ног. Огромные березы приветливо кивают длинными плетями ветвей. Вандар сморщил нос. «Похоже, зря сделал березовый сок постоянно сладким», – огромные рои мухоты толпятся вокруг тысяч сахарных потеков, громоздящихся поверх царапинок на коре. Множество разноцветных стрекоз трепещут крыльями над мушиным пиршеством. То одна, то другая отяжелевшая мушентия попадает в жвалы ненасытным хищникам.

Солнце просвечивает сквозь ажурную листву. Легкий ветерок шелестит кронами, пятна света прыгают по мягкой траве, словно играя в догонялки. Хотя люди и называют лешим, Вандар не любит темных угрюмых мест. В его лесу светло. Гармония... В свое время пришлось поступиться многим ради нее.

Овраг, обрыв – гребнем, разноцветные ломаные пласты и... толстая коряга, с острым осклизлым сучком! Как пронзительный звонок древнего мобильного в опере! Разом портит красоту. Укол выдвинувшейся из указательного пальца иглой. По коряге пошли светлые круги. Черная мокрая древесина побурела, начала крошиться. И через пять минут на месте нелепой коряги лишь недоумевающие личинки ворочаются во влажной теплой трухе.

В высоте закачались тонкие ветки. С дуба на ясень перескочила крупная черная белка. Ван поцокал по-беличьи. В листве появилась остренькая мордашка с любопытствующими бусинками глаз. Безбоязненно спрыгнула на широкое бронзовоцветное плечо.

Сигнала призыва с сигналом спокойствия вполне хватает, чтоб подманить белку. Конечно, нужно отследить биополе и запах – подзывать, когда зверек испуган или занят, бессмысленно. А так щекотно топчется по шее, держится крошечными пальчиками за длинные черные волосы. Вот насторожилась. Ван просканировал направление – длинная куница замерла в хищной стойке на огромной чаге, как на балконе. Предостерегающий взвизг прервал охоту в самом начале. Змеиным движением хищница шмыгнула в крошечное дупло.

Широкая круглая поляна за полосатым откосом всегда появляется внезапно. Сумрачная тень оврага, и вдруг – яркий свет открытого пространства. Ряд старых дубов оттеснил раскидистыми ветвями лес, дал свободу солнцу. Внутри под тяжестью крупных желтых плодов склонились сливы. Вандар резко качнул согнутую ветку. Она легко отпружинила, упираясь кончиком в землю.

«Похоже, сорт получился наконец удачный, – хмыкнул леший, отследив колебания ауры упруго покачивающегося деревца. – Хоть гири вешай, не сломаются. А вот у дальнего дуба свечение ствола с нездоровыми буроватыми оттенками».

Ван поморщился. Любая дисгармония, отмеченная даже краем сенсора, вызывает отвращение.

Огромный кабан, глухо хрюкнув, разом вскочил на ноги. Угрюмый взгляд из-под длинной щетины уперся в нарушителя покоя. Раздавленные поддубовики, изрытая трава, перевернутый дерн, кучки дерьма... Так и есть – несколько вырванных в поисковом энтузиазме корней. Свины!

Леший гулко и громко хрюкнул. Кабан аж осел немного, попятился. Указательный палец внушительно уткнулся в лоб кабанищи. С двухметровой высоты человеческого роста раздались звуки усиленного хрюканья. Эхо заметалось по лесу. Кабан угрюмо слушает. Длинные желтоватые клыки поблескивают. Молчит, только бросает быстрые взгляды на постукивающий по твердому черепу палец.

«Тяжеловато растолковать зверю, что хочешь. Все-таки лексикон ограничен. Но зато запоминают все и надолго», – подумал Ван, скрестив руки на груди. Кабан несколькими хрюками отправил десяток полосатых кабанят доедать раздавленные грибы. Через пару минут семейство скоренько потрусило от места безобразия.

Но вот впереди появились огромные каменные блоки святилища. Не мудрствуя, в свое время взял за основу Стоунхендж. В центре композиции две приглашающе раскрытые ладони и крутые ступеньки к подземному алтарю. Это вход для людей. Ван же шагнул прямо в каменный останец, поросший шиповником.

«Нужно поправить всего одну молекулу в цепочке запаха хорька! Тогда сигнал и хорьками воспримется правильно, и для постороннего носа будет нейтральным. Разве что ласки еще могут по-своему понять...»

Ступени эскалатора мягко шелестят вниз. Автоматика через каждые десять метров включает дежурную подсветку тоннеля. Обычные мысли додумываются на ходу. Конечно, моделирование органелл-симбионтов – хобби, чудачество. Технотрансы используют ресурсы намного рациональнее и эффективнее. В общем, нет смысла заниматься жизнью. Это низшая ступень относительно даже человека мясного.

Ван вздохнул, почесал белочку под горлом. Она сразу перестала излучать легкий испуг, доверчиво вытянула шейку, прикрыла глаза.

«Понимание существ и возня с ними просто доставляют удовольствие. Приятно делать приятно. А малым еще и так просто...» – широкое вращающееся кресло скрипнуло под тяжестью тела.

«Бессистемные примитивные опыты. Проводятся без плана и под настроение. Алхимики, как шутят технотрансы. Да, пожалуй, алхимики и только. Чуды лесные...» – беззлая улыбка не покидает лица, а руки раскладывают-подключают устаревшие гаджеты: виршлем, перчатки, – разворачивают виркостюм. Ван покосился на дорожку, но не сейчас. Достаточно простого входа в храмовую систему.

«Скорость, еще раз скорость... Цепочки анализа, многоуровневый синтез, отдельная работа полушарий... Техника не стоит на месте. Развивается... А я отстал, отстал... Но, в общем, для работы хватает».

Голосовой модулятор защелкал трелью малиновки, перешел в посвист крапивника. Вандар приложил к горлу согнутый в первой фаланге правый мизинец. Из модулятора раздалось насмешливое воробьиное чириканье. Пристукнул кончиком указательного и веско, словно ломая толстый сук, каркнул вороном. Пришлось пожертвовать скоростью за счет расширения сенсоров восприятия... Может, увы, может, ура... Каждый выбирает по себе...

Что там сегодня? Пошла скоростная перемотка посетителей святилища.

Ага. Этот старикашка жаждет получить молоденькую дочку соседа в жены...

Этот толстяк молит, чтоб лучше ловилась рыба...

Так, это та самая молоденькая дочка соседа молит не отдавать в жены старикашке соседу...

Рутинка. Тащут с собой к тому же всякую дрянь. Рыбак вывалил полведра окуньков и ершей. Ну у этого логика простая – божество нужно прикормить, чтобы вылезло и расщедрилось...

Он просканировал окрестности на безлюдность и наблюдение. Кратко полыхнуло, и приношения исчезли в белой плазменной вспышке. Тихо защелестела вытяжка. Минута – и святилище вновь наполнил свежий озонированный воздух.

Сколько им ни внушаешь... Друидов, что ли, завести? Но хлопотно это. Моментально входят во вкус посредничества и начинают совать нос куда не надо.

Однако сегодня автоответчик срабатывал! Это уже интересно! «Воспроизведение записи!» – скомандовал Ван, потирая руки. На экране появилось внутреннее убранство святилища. В центре озирается огромный дикарь, курчавая борода воинственно топорщится, но видно, что очень молод. Лук из рога, копье, здоровенный меховой сверток. «Эльтар, поселок Северный Ключ», – услужливо прошептала база данных.

Удачливый охотник... возраст... характеристика...

– О бог леса! – Посетитель упал на колено, почти коснулся лбом беломраморного алтаря. Огромный кулак бухнул в грудь, молящий взгляд устремился к малахитовой зеленой статуе получеловека-полудерева. – Приношу тебе шкуру серого медведя! Его череп! Его когти в дар! Подскажи, что за тина залепила мне сердце? Боги даровали силу и мощь, но почему мне... скучно? Всего четверть века, а постиг и перепробовал все, что возможно! Меня тянет куда-то! Хочется нового. Я знаю, ты редко отвечаешь. Да и тогда требуешь, чтоб не рассказывали. Но ответь, прошу! Я тут целый день головой готов биться о камень, чтоб сказал мне...

«Неплохо, неплохо», – в отдельном окошке появились параметры ауры просителя. Сверкает чистыми алыми и голубыми красками. Ориентировочно означают разумность, физическую силу и волю. Размер и форма показывают, что буквально пышет здоровьем. Неудивительно, что автоответчик среагировал.

Под массивными полукруглыми сводами, словно складываясь из гудения ветра и шелеста листвы, зазвучал низкий рокочущий голос:

– Ответ бу-удет. Приходи на зака-ате.

Автоматика очень точно рассчитала, какое время назначить, – как раз опустились сумерки. Вандар быстро просканировал окрестности. Датчики движения зафиксировали

посетителя. Эльтар точен. Бесшумно спустился в черный провал. Немедленно вспыхнули яркие огни светильников. Причудливые тени заматались по гранитным стенам.

– Я пришел, о дух леса!

Не совсем понятна привычка к коленопреклонению. Ну да пускай себе...

– Пойдешь к семиглавой горе, что за перевалом на Монгс. В западном ущелье увидишь рухнувший свод старой штольни. Отодвинешь большой белый валун, он там один такой. Проникнешь в пещеру. Преодолеешь все, что встретишь. Победишь всех, кого повстречаешь. Найдешь белую корону в прозрачном сундуке. Принесешь мне. Возьми карту, – на алтаре появился свернутый в рулон внушительный пергамент и небольшая узорчатая шка-тулка.

– Все сделаю! – выдохнул охотник.

– Надень кольцо металла синего. Оно приносит удачу. Зверь, меч, Луна. И потерпи, будет больно, – колечко завожилось, заглубляясь в палец. Брызнула кровь, зашипела горящая плоть. Кожа слегка напозла на край, оттеняя металл черной обугленной каймой. – Учись определять по нему расстояние и направление до зверей. Оно будет светиться разными оттенками синего и по-разному. Может еще многое. Учись подчинять его.

С прикушенной от боли губы сорвалось несколько капель крови, но резкие морщины на лбу разгладились. Охотник рывком вскочил:

– Принесу корону, чего бы ни стоило!

– Ступай. Я не тороплю. Лучше искать вход в полнолуние. Пойдешь один, никто не должен знать куда.

Ван отследил уход, сосредоточился и вошел в директорию вызовов. Щелкнул по значку «Тюльмира».

Через пару минут в триоме появился круглый кошачий лик. Три желтых глаза обрамляют черные кольца поверх короткой белой шерсти. Похожи на древние мишени. Четыре длинных хвоста беспорядочно мечутся за спиной. Ван с удивлением увидел на их концах крошечные двухпалые ладошки. Хрустально-серебристый голосок прошептал:

– Привет! Вандар! – Человеческая рука с усилием оторвала один из хвостов, вцепившийся в кошачье треугольное ухо. Строго шлепнула шаловливую конечность. Маленькая ладошка обиженно повисла. – Ты, смотри, все места для видеочипа не найдешь?

– Привет, а ты, смотри, все кудесничаешь с конечностями?

– Да никак не увяжу эти отростки позвоночника с корой. Совершенно непослушные! – Тюльмира всплеснула руками. Хвосты с удовольствием повторили жест, на миг превратив ее в многорукую индийскую богиню.

– Боюсь даже представить, какой суставный механизм ты сотворила из позвоночника. Но, как вижу, на эмоции откликаются неплохо!

– Да, что есть, то есть... Ты связался по деловому каналу. Что хочешь?

– Кажется, претендент появился. Я выдал квест на твоей территории. В пещере. Подготовь, будь добра...

– А она хоть хорошенькая? – Полные губы – пожалуй, все, что осталось женского на преобразованном лице, – игриво усмехнулись. Сквозь короткий мех на щеках проступили зазорные ямочки.

– Он на этот раз. Дикий, горячий волосатый охотник.

– Ага. Значит, боевое тестирование.

– Да, лучше боевое. Что скажешь?

– Пока скрою пещерный биоценоз. Помещу стандартных одноразовых тварюшек... Он в темноте видит?

– Создай условия для активации зрения. Думаю, подсветки глаз мобов достаточно будет. Остальную инфу я уже сбросил.

– погоди, не исчезай! – выкрикнула вдогонку. – Тут у тебя корона по квесту. Ты уж перешли экземпляр, а то сам знаешь, какой из меня волевой контроллер...

– Хорошо. Я недавно тоже подземелье оборудовал. Узкий лаз, вода, сталактиты... Отправляй, если что, своих ко мне.

– Договорились! – Тюльмира послала широкую прощальную улыбку. Спohватившись, прикрыла когтистой ладошкой рот, быстренько отключая связь. Но собеседник все же успел заметить сверкнувшие углом ряды треугольных зубов.

«Похоже, со сверхпрочными алмазами экспериментирует. Всегда интересовалась драгоценностями. Помнится, рубин с кулак в лобную кость вживила, вот было... Стоп!» – Вандар насторожился.

Сигнал от охотника вдруг значительно усилился. Спутник слежения перевел на экран яркое изображение: языки высокого костра колышутся, стреляют икрами. На наклонных заостренных палочках скворчат ломти мяса. Жир капает на угли, вспыхивает короткими язычками пламени. Лохматая голова склонилась над пергаментом. Напряженно всматривается, поднимает глаза к звездам, шевелит губами, опять всматривается. Молодец, паренек, похоже, заучивает наизусть. Вот присматривается ближе, чуть ли не водит носом по рисунку. Ковыряет какой-то соломинкой. Две палочки мяса загорелись – упали в угли, но остались без внимания. А сигнал все сильнее! Ух ты! На мгновение карта вдруг стала рельефной. Поднялись крошечные горы, потекли реки и ручьи, колыхнулся лес. Охотник отшатнулся, огромные кулаки потеряли глаза. Жадно ухватил пергамент, но, похоже, опять видит только синюю крошечную точку у коричневых квадратов поселка.

– Замечательно! Так держать! – Вандар радостно подпрыгнул, похлопал в ладоши. – На редкость быстро учишься включаться! Пусть колечко – тестовый адаптер, но все-таки результат потрясающий!

Модель «Средние века» работает успешно. Новый трансчеловек ступил на путь.

Михаил Уткин. Шаг

Нет, я не хожу... Я мечусь по жилому блоку! Пальцы судорожно сжимаются, словно жаждут ухватить и вырвать чей-то кадык. Эмоции, стиснутые волей, ворочаются, словно коты в тесном мешке. Дерут друг друга когтями, орут – раздражением. Раздражением. Раздражением! Раздражением!! И еще это чертово массажное кресло! Так и норовит зацепиться за ногу! Стоп. Дышим. Все хорошо, замечательно. И кресло замечательное. И палец ушибленный замечательный. И вообще все абсолютно хо-ро-шо! Спокойствие. Сам решил избавиться от инстинктивного контроля тела, вот и рули теперь. Вдох, выдох, вдох, выдох. Отлично. Кровь насытилась кислородом, коты притихли... Пора заняться профилактикой.

В зеркальной стене отразился плечистый мужчина. Голый череп, обтянутый серовой кожей, испещрен шестиугольными ячейками. Можно было бы и эстетичнее, но дизайнерские изыски бессмысленны. Я технотранс – живущий техникой. Я всемерно усиливаю и превозношу разум. Внешность и оборудование должны быть лишь функциональными. Максимально функциональными...

Стена предупредительно выдвинула полку с патронташем коротких разноцветных ремонтных капсул. Обязательная процедура – сверка мозговых чипов с матрицей и восстановление разрушенных участков. Микро-нано... молекулы самовольно норовят выстроиться по-своему, имплантаты же начинают барахлить.

Череп бугрится под пальцами жесткими сотовыми вставками. Каждому цилиндру свой разъем. С неприятным чмоканием они исчезают в центрах шестиугольников. Это нормально, как раньше зубы почистить. В старые времена тоже трудно было: чуть не почистил – сразу появлялась ужасная зубная болезнь – кариес!

Из стены с легким щелчком раскрылся белоснежный веер столика. Блок пищевого синтезатора тихонько загудел, и на обеденную поверхность выполз широкий поднос с посудой. Перепелиные яйца, фаршированные белыми грибами, плотным кольцом охватили румяную курочку гриль. Высокий алый бокал витаминно-протеинового коктейля рядом с холмиком тушеной капусты дополнил скромный натюрморт.

Монолитная пластина резцов легко перекусывает куриные косточки. Очень вкусно, как обычно. Впрочем, предпочел бы в капусте поменьше клетчатки. Вроде предпочел бы... Ну да синтезатору виднее – всегда выдает лучший вариант. Белки, калории, ароматы, витамины... все взвешено до миллиграмма, персонально. Даже кости птицы внесены в меню – знает, люблю грызть. Говорят, атавизм, но предпочитаю думать, что подготовка к переходу на питание минералами.

Макушка вдруг невыносимо зачесалась, словно укусил комар размером с пылесос. Полез было почесать, спохватился. Татуировка-тестер на запястье налилась ядовитой зеленью: «Теменной 7в». Понятно, дополнение к профилактике – рекомендация почистить от слизи. Крошечный шарик нырнул в соответствующий сектор черепа. Зуд разом прекратился, предупреждение исчезло.

Раздражение, словно приближающиеся тамтамы, вновь начало усиливаться. Швырнул поднос с недоеденным в люк синтезатора. Столик, как испуганная ящерица, сложился в паз.

– Владимир 2 ТП5948 м. Прошу приготовиться к рабочему сеансу. Через 28 минут будет готов к передаче пакет информации. Необходимы консультации по выборке существенного.

Стандартный запрос интеллекта кибернетического наложил на раздражение. Губы шевельнулись, сокмав ругательство, рывкнул вслух:

– Принято!

Теперь сосредоточиться... Сеть!

Лоб налился жаром, в шее же неприятно похолодело. Словно нервный тик, возле сонной артерии включилось дополнительное сердечко охлаждения. Биотрансы выращивают органы – симбионты. Практически все причудливые и никчемные... Однако некоторые... – тонкие губы неприязненно скривились, – некоторые применяются и технотрансами. Устройства расширения нагревают мозг, и страховочный круг кровообращения через охлаждающие пазухи пока непревзойденный орган.

Орган! Не устройство! Когда же наконец удастся нормально киборгизироваться! Когда же удастся сотворить нормальное вместилище разума! Мозг, моск, мозглый... Топкий, слизистый, болотный... Так еще ничтожные мясные хомо называли эту отвратную биологическую массу в голове. От нее никак не могут избавиться и технотрансы... Пока не могут... Пока... Но уверенности в привычных мыслях уже давно нет.

То ли дело киберинтеллект. ИнК... Черт, самые ничтожные люди-рефлекторики стали ими! – злость вдруг рванула в сознании, словно светозвуковая граната. Дополнительное сердечко разом поперхнулось – затихло. Кровь махом отлила от мозга к мышцам. Сработало аварийное отсечение от сети. Снова плотину контроля прорвал причудливый коктейль адреналина с норадреналином! Так и спечься можно невзначай!

Уик! Уик! Уик! – татуировка настойчиво запищала, рекомендуя стимулировать поджелудочную железу. Раздраженным шлепком убрал звук. Справляться нужно подручными средствами, иначе будут рецидивы.

Гребной тренажер крикнул, приняв мое тяжелое тело. Тугие весла слегка прогнулись под трехсоткилограммовым грузом. Мышцы напряжились, потребляя вброшенную в кровь глюкозу. Генератор тренажера радостно взвыл, перерабатывая усилие в электричество.

– Мерзкое! Тело! Идиотская! Система! Когда же! От него! Избавимся! – Вскоре сообщение анализатора побелело и исчезло – глюкоза в норме.

– Нагрузка! Двести!

Спортивный инвентарь снизил сопротивление. С маховиком, конечно, электричество вырабатывалось бы эффективнее, но все же, несмотря на помешанность ИнКов на энергии, тренажер есть тренажер.

Прикрыл глаза, на сетчатку пошел визуальный ряд. Плыву на воздушной лодке между клыками заснеженных вершин, опоясанных гирляндами башен и сверкающих подвесных дорог. Над громадами ледников, накрытых ажурными куполами сохранения. А вот уже кружусь вокруг левитирующих озер воды в гигантской космической станции. Внизу сотни всевозможных хомо – купаются в структурной живой воде невесомости.

Мышцы уверенно и мощно сокращаются – получают порцию движений. Ничего не поделать, тело пока привязано к разуму... Волочится... Но по меньшей мере можно откупиться, насытив необходимой нагрузкой.

Но вот пришел пакет информации – от интеллекта кибернетического. Удачное сокращение фантаста двадцатого века прижилось накрепко. Стоп движение. Тренажер в сторону. Пересаживаюсь. Гидромассажное кресло обняло тело упругими щупальцами. Быстрый прогон продуктов распада, и кровь перераспределилась на работу мозга.

Система чипов сплелась и заработала на всю мощность. Приемник-мозг напряжился, завибрировав, как струна. Поток информации хлынул по широким каналам. Зрительные и звуковые образы проскакивают в сотню раз быстрее, чем у человека. По разуму прокатилось пьянящее чувство потребления информации. Система чипов контроля соединяет и увязывает зоны мозга намного быстрее обычной электрохимической связи. Упоение мощью разума!

«Подробности... подробности... связи... связи... связи...»

Пошли эхо-мысли! Придется немного... нет, даже на треть снизить скорость приема!

Обрывки ненужной информации начинают метаться по серому веществу, засоряя посторонними шумами интеллектуальные центры. Малое количество можно игнорировать, однако, накапливаясь, они заставляют мозг сбоить. Это болезненно и нарушает качество приема.

Но вот сеанс завершен. Теперь анализ информации и синтез резюме. К сожалению, здесь чипы связи пригодятся лишь для переброски сведений между разделами мозга. Основную работу ведут древние системы мозга.

Кресло мягко массирует мышцы. Эйфория скорости отступила. Словно перебрался из кабины самолета на лошадь. Нет, даже на ишака! Ладно...

Плавно повышаем уровень мелатонина... Глаза открыты... Яркость света в комнате уменьшаем до сумеречной... Максимальное расслабление... Сердце сорок пять в минуту... Дыхание медленное и глубокое... Тяжесть... тепло...

Сознание перебирает полученные сведения... Медленные картинки, яркие звуки, меткие фразы... Базовая система человеческого разума вычленяет крупинки полезного. Затылочный чип время от времени включается и вбрасывает молнии данных в сеть. Сеанс окончен!

– Владимир 2 ТП5948 м сегодня сократил мне 3,6 минуты операций. Это замечательный результат. Я горжусь таким сотрудником! С сегодняшнего дня делаю 10 %-ную временную надбавку на операции. Начисляю 3,8 инк-минуты, – наконец резюмировал киберинтеллект.

Результат действительно феноменальный. Разумеется, ИнК может все проделать и сам. Но свойство биологического мозга – выбирать самое важное – экономит массу времени. Надобность в тупиковых расчетах отпадает. Ворохнулось тщеславие. Дал ему немного раздуться, покрасоваться... Тяжело вздохнул. Какое там...

С действиями ИнКа этот подвиг не сравним. Да, некоторые сумели стать набором программ, сумели. А ведь были самыми никчемными, живущими автоматизмами людишками...

Настроение вновь ухудшилось. Еще и единственно недоступное кибернетическому интеллекту свойство исходит от этого устаревшего химико-электрического органа. Тьфу!

Гребной тренажер пока не зовет – вымотанное нагрузкой тело не дергает эмоциями.

Легкие массажные импульсы, словно поглаживания пером, прошли по коже. Затем словно плотные валики покатались по продольным мышцам спины, завибрировали на позвонках упругие пальчики. Музыка в резонанс альфа-ритмам. Целая система следит за самочувствием. Пока я в спецкресле, можно снять часть жесткого контроля – передоверить слежение за телом автоматике.

– Владимир, если не устал, появись на силовой. Проконтролируй плазму с 8.47 до 10.33, если не сложно, – дружелюбно попросил ИнК.

«Были никчемными людишками! Стали всемогущими правителями!» – оттесненное недовольство вернулось. Складки кожи на надбровных дугах сдвинулись. Кожа на шестиугольниках лба провисла, потемнела. Хмуриться тоже атавизм, но помогает сосредоточиться и убрать бесполезные мысли. Раздражение не прекратилось, но ушло на задний план.

Конечно, я могу отказаться. Могу даже грубо и древним матом... Но ИнК, несмотря на все штучки, отлаженные спецами Карнеги, ныне хладнокровная вычислительная машина. Он просто добавит в личные параметры минусы. Мой рейтинг как функциональной единицы упадет на несколько пунктов. А рейтинг в техном мире – это все...

На согласие потребовалось меньше одной секунды. И ту взвесит и прикинет по доступным датчикам косвенные реакции на предложение. Можно, конечно, мысленной командой заблокировать постоянный доступ к параметрам организма. Эту предосторожность внесли еще в древние времена мясные параноики, все ждавшие бунта машин. Но только полный идиот будет отключать доступ командным вычислителям.

Да и вообще... Внеплановые вызовы – обычное дело. Просто я оказался лучшим оператором плазмы на данный момент времени в ближайшей точке пространства. ИнКи помещены на экономии энергии, а гнать секцию издали – затраты. Топорщиться не стоит. К тому же работа по контролю плазмы хоть тяжелая, но интересная.

Легкие разнонаправленные ускорения привычны в техногенном мире. Жилой блок редко стоит на месте. Всегда куда-то движется. Вот и сейчас транспортирует к месту работы. Весь технополис – гигантский разноуровневый кубик Рубика, с лабораториями и термоядерной станцией в центре. Закрытая, для экономии энергии, сфера. Внутри непрерывное движение. Фрагменты постоянно скользят, поворачиваются и смещаются. Окон в жилых блоках нет. Они просто не нужны – виртуал и установки микроклимата замечательно моделируют необходимые условия. Можно, конечно, выходить, встречаться, переходить с места на место. Но зачем, когда есть интернет-связь? Голограмме же при надобности можно придать почти любые телесные параметры.

Как только радикально приблизились к бессмертию, мигот потеряла актуальность поговорка «после нас хоть потоп». «После» уже не наступало. И главной задачей стало рациональное использование энергии. Так энергия и время стали валютой техномира.

Блок то поднимается, как лифт, то вдруг ускоряется по горизонтали. Почти бесшумно, лишь ускорения отражают движение. Но вокруг оси жилище поворачивается почему-то с громким клацаньем. Словно боец щелкает затвором древней винтовки... Тьфу, что за бред лезет в голову! Просто отключить слух, да и только!

Термоядерные станции на гелии-3 – могучие источники энергии на планете. Но огромная часть энергии тратится на поддержание магнитных контуров – стабилизаторов плазмы. И станция просто не может обходиться без операторов.

– Мы прибыли, хозяин.

Голос жилого блока женский, покорный, ласковый... Да, несмотря на все ухищрения, действует на чертово подсознание! На это тело! Я ухватился за подбородок, свирепо сжал.

«Стоп, контроль. Контроль!» – мышцы судорожно сжались, повинувшись приказу. Адреналин на этот раз разошелся на статическое напряжение. Главное – вовремя перехватить негативную эмоцию. Вообще любой технотранс нуждается в мощном самоконтроле, чтобы просто оставаться дееспособным. Когда-то все регуляторные функции выполнялись организмом автоматически. Но это унижительно, недостойно мыслящего существа! Жаль, до конца вытравить мясную природу не удастся... Пока не удастся!

«Хозяин» – да, до сих пор мужская сущность желает быть хозяином, покровителем, защитником. Но этот атавизм нужен не более, чем волосы под мышками, которые зачем-то отращивали предки. Мерзли, наверное... Хорошо, это шутка... Позволительно усмехнуться.

Дверь жилого отсека открывается без изысков – двустворчатым раздвижным шкафом. А вот переход на станцию раскладывается диафрагмой, как в древнем фотоаппарате. Круглый вход, короткий шлюз, и под ногами уже покачивается белоснежный пол кокона контроля. Кресло изогнулось под тело. Шлем визуализации плазмы занял надлежащее место. Проверка систем – джойстики ручного управления на небольшом овальном пульте задвигались, повинувшись мысленной команде. Подключение управления полями. Запрос смены.

– Контакт, оператор! О, какие трансы сегодня... – на видео появился завитой, словно синяя металлическая стружка, чубчик. Он пружинно качнулся на блестящем металле черепа. Лицо оператора сверкнуло белозубой улыбкой. Редкостная красавица. Ядерная Леда, как зовут Лайму служители плазмы.

– Прив, Вов! Я сумела структурировать пятидесятисемилепестковый шнур!

– Изгиб двенадцатиградусный не помешал бы... Шнуру в смысле.

– Это в 31-м лепестке?

– Нет, в 29-м.

– Точно! Все-то ты видишь... А ведь еще к вычислителю не подключился! – восхищенно-завистливо произнесла Лайма.

– Опыт, опыт... – довольно хмыкнул. Перед глазами промелькнули колонки цифр. – Пост принял.

– Оператор Лайма 4567Л пост сдал.

Пульт щелкнул, загорелся множеством дублирующих лампочек контроля.

Белый шнур плазмы подрагивает, причудливо изгибается. Трепещет... и вдруг замирает в мощной хватке магнитных вихрей.

Операторы предугадывают движения плазмы, управляют формой для лучшей энергоотдачи. Нужна огромная концентрации внимания – в любой момент плазма может метнуться в сторону или изобразить новый финт, путая расчеты. Потери мощности – это еще не самое неприятное. Разумеется, из-под контроля плазма выйти просто не может. Ее всегда успеет заблокировать ИнК. Ему достаточно включить магнитные поля в аварийном режиме – максимум со всех сторон. Но это чревато многократной потерей мощности. И дальнейшее оживление шара «коматозной плазмы» длительное и непростое.

В крайнем случае можно просто остановить подачу гелия-3. Но зажечь новый шнур в тисках магнитных полей – все равно что спичкой бумажку среди страшного бурана.

По какой-то причине ИнК всегда требует прибытия непосредственно на станцию, хотя для остальной работы вполне хватает Интернета. Может быть, и у кибернетических существ сохраняется некоторый атавизм. Остатки начальника, требующего непременно приезжать на фирму, когда всю работу можно делать дистанционно.

«Ошибаешься!» – в спокойное течение мыслей вдруг ножом врезался металлически звонкий голос ИнКа. Тряхнуло, словно кто-то неожиданно гавкнул над ухом. Очень редко он влезал непосредственно в мысли, это неэтично. Колыхнулось удивление и досада, неоформленное опасение за рейтинг...

– Какого черта?! И в чем ошибаюсь?

– Просто ошибаешься, – невозмутимо продублировал киберинтеллект. Показалось или действительно в голосе проскользнуло злорадство? – Делай дело, рассуждать будешь потом!

Это не характерно для карнегистого ИнКа. Хотя теоретически он мог обижаться – кто знает, какая у него базовая человеческая сущность. Не выношу приказы, но напружил волю и выровнял колыхания гормонов. Оттеснил эмоции на периферию.

– То-то же! – явственно самодовольно произнес ИнК.

– Ах ты! – Разом плеснулась ярость, затуманило глаза. Яростно зачесались виски – перегруз ассоциативных имплантатов. А внезапно выскочившее на сетчатку изображение взбешенного орангутанга со скрежетом лупит и лупит дубиной сминающийся гармошкой процессор.

Плазма вдруг резко всколыхнулась, побежала волнами. И вдруг изломалась, языки превратились в жесткие иглы, потянулись во все стороны...

– Ты еще!!! – потянулся к регуляторам соответствия. Но яро дернувшийся белый змей вдруг, словно испугавшись, вернулся в исходную. – Ты смотри... Один к одному сложился... – Раздражение как ветром сдуло вместе со всеми мыслями о поведении ИнКа. Удивительно! Обычно и один-то дополнительный лепесток выдавливается невесть сколько. И то после многочисленных проверок и перерасчетов. А тут вдруг разом восстановилось!

– Владимир 2 ТП5948 м! Что произошло?

– А что произошло? Все в норме – плазма устойчива... – раздражение вернулось легким ворчанием.

– Произошел скачок напряжения и едва ли не аварийный сбой теплоотдачи! Параметры почти совпали с критическими! Еще совсем немного – и пришлось бы скомкать источник в

коматозный шар! Выработка энергии упала бы на 2560 %! – Удивительно, но, похоже, ИнК всерьез начал увлекаться имитацией эмоций.

– Не знаю почему. Но сейчас все в норме. А это главное, не так ли?

Ответа не последовало. Я вновь устремил все внимание к плазме.

Она вела себя как паинька. Ровненькие язычки, пульсируют равномерно. Порази-тельно. Только что ведь была готова вспыхнуть, как Солнце, разнести все вокруг... Уй, страсть! – поежился, ярко представив...

Шнур плазмы шевельнулся. Ну уж нет! Оператор начеку, регуляторы ухватить... Быстро выбросил из головы посторонние мысли... И шнур аккуратно возвращаем в нужное положение.

Раздражение! Раздражение!! Круг по блоку, еще круг, еще и еще! На месте не сидится... нет, это не то слово! Я едва сдерживаюсь, чтобы, подпрыгивая, не молотить по стенам кулаками! Rrrrrrrrrr!!! Ну неужели я привязан к тренажеру! Неужели нужно обязательно выматывать эти чертовы мышцы! Не хочу!

Уже больше половины внимания концентрируется на сдерживании плотин злости. Что такое... Нет, нужно прекращать... Похоже, сегодня самостоятельно не передавить, а нужно быть в норме.

Подлокотник кресла раскрылся. Ряд ампул с желтоватой маслянистой жидкостью без двух – зияющих пустотой разъемов. Грянула противная древняя песенка-сопровождение: «Глупый мотыле-о-ок догорал на свечке. Жаркий уголе-о-ок, дымные колечки!»

Зубы скрипнули. Ненавижу! Сам поставил эту поганую запись, терпи! Тонкая иголочка транквилизатора впилась в бицепс...

Прогнувшаяся в воображении стена воли покрылась синей изморозью. Еще немного, и вверх уже громоздятся массивные блоки льда. Укрепляя, упрочняя. Беснующиеся эмоции затрепыхались за толстым защитным слоем бессильным немым кино.

«Отряд не заметил потери бойца! Отряд не заметил потери бойца!»

Подумаешь... проблемы с вниманием у отряда...

Разум наконец с облегчением ослабил эм-контроль, включился на нормальную мощность. Сердечко охлаждения бойко застучало, словно радуясь пробуждению. Пошла информация... Пробивка баз данных, множество сведений... архивы – все, все, что известно о плазме. Отлично! Успел считать до появления эхо-мыслей.

Но нет, подобных вывертов с плазмой никогда не бывало. Похоже, нужен взгляд стороннего наблюдателя. Взгляд такого же оператора. Ядерная Леда!

Технотрансы редко общаются вживую. Нет смысла. Гораздо дешевле и красивее в виртуале. У каждого множество ников, внешностей, помещений. Вот и сейчас, отправив позывной, выбрал для общения небольшую комнатку. Бугристые арки медленными волнами натекают друг на друга, словно водопад потоки. Переливаются оттенками желтого и зеленого, закручиваются у каждого выступления маленькими вихрями.

Можно быть одинаковым в реале, но в виртуале иметь стандартную внешность считается дурным тоном.

Леда материализовалась спустя несколько секунд. Несколько прозрачных удлинённых капель, схематично изображающих конечности, синхронно пританцовывают в невидимых суставах. Внутри сотнями крошечных молний подрагивают хрустальные шары.

Мой аватар – изогнутый параллелепипед древней гостиницы «Космос». Вдоль окон беснуются, потрясая факелами, сотни мясных людей.

– Судя по аватару, у тебя полный бардак в голове и разрушение гомеостаза! – Хрустальный шар в голове-капле собеседницы полыхнул зелеными молниями. Отблески заматались,

отражаясь от оболочки, и ударили по зданию-аватару, словно лазерный луч. Окна покрылись веточками с молодой листвой.

– Да, но это обычное дело, – толпа в аватаре побежала ровными зигзагами по появляющимся впереди и исчезающим позади ступенькам.

– Хочешь сказать, хватает сил держать внимание и отстранять разум?

– Хватает. Причем чувствую, что именно разрушение гомеостаза упражняет волю. Она растет и крепнет...

– От припадка к приступу! – капли Лаймы насмешливо подпрыгнули, молнии изогнулись улыбками. В каждом шаре на миг проступило реальное лицо. – Суров ты, Володя. Серьезно ненавидишь собственную мясную суть. Но странным образом – мужская составляющая так только крепнет. Прошу, не оскорбляйся, это констатация факта.

– Ничего, я креплюсь. В крайнем случае постоянно держу у тела иголку транка.

– Рада, что ирония тебя не оставляет. Но ты ведь вызвал меня не чтобы похвастать успехами? Твой рейтинг и так общеизвестен, – молнии в шарах вновь засверкали голубовато-белыми сполохами.

Я задумчиво выдвинул этаж-руку и пробороzdил текущую стену комнаты. Поверхность с неприятным скрежетом прогнулась, черная линия задымилась, запахло паленым пластиком.

– Сегодня едва не пришлось вогнать плазму в кому.

Каждый кусочек собеседницы, каждая молния и блик внутри на мгновение замерли.

– Аварийная ситуация?

– Не то слово. Шнур мгновенно изменил конфигурацию. Изломался в десяток ненужных углов, выросли спонтанные колючки. Причем сдерживающее магнитное поле не менялось! Но самое главное – плазма произвольно вернулась в исходную!

– Удивительно. Но ведь операторы именно магнитным полем формируют фигуру плазмы. Очень странно. Как думаешь, из-за чего?

– Пока не знаю, но за пару мгновений до происшествия ИнК нагло и жестко влез в мое мысленное пространство. Нагрубил. Я взорвался... в общем, видимо, от неожиданности... и тут же плазма отреагировала.

– Совпадение.

– Я просматривал карту магнитных полей. Они оставались стабильными, прежними. То есть в технике я ничего не изменил своей вспышкой. Кстати, а ты не знаешь, почему нельзя управлять плазмой на расстоянии? Почему всегда необходимо являться на станцию?

– Ну, магнитные поля...

– Магнитные поля ни при чем. Дистанционное управление легко наладить. Зачем-то обязательно надо быть рядом. Кстати, именно на этом вопросе ИнК и влез мне в голову, заставив вспылить.

– Очень любопытно. Но добавить ничего нового не могу.

– Я свяжусь, когда будут новости.

Звон хрусталя, и аватара Лаймы исчезла.

Что ж, подождем новостей. А чтобы их обеспечить, пристыкуемся к станции и оплатим блокировку произвольного перемещения.

Расчет оказался верен, не прошло и суток, как я оказался самым выгодным оператором возле станции.

Проделал необходимые процедуры приема вахты. С каким-то трепетом уставился на плазму. Ничего особенного. Изгиб стандартный, лепестки колышутся, энергия вырабатывается. Попробовал мысленно изменить форму... создалось впечатление, что пытаюсь открыть дверь в монолитной стене. Стандартные трепыхания энергии не дают сосредото-

читься. Молниеносные переключения магнитного поля требуют внимания. Надо постоянно держать в рамках...

А может, не держать в рамках? Пусть колыхнется как хочет, может, тогда получится контакт? Контакт? Что за странная мысль... Это же плазма – четвертое состояние вещества. Сбросить контроль – и она разнесет все и вся... Стихия... А может, все-таки:

– Запрос контакта с плазмой!

...Какая глупость, – ощущение чуда ушло. Навалилось презрение на собственное слабоумие. Бред, бред! Что я вообразил! Рот брезгливо скривился. Автоматически подправил верхними регуляторами пять слегка уменьшившихся язычков.

Навалилось обычное фоновое раздражение, так же привычно сознание спружинило, отстраняя его на периферию.

– Да! Еще с зажигалкой поговори, идиот, – ИнК вновь нагло ворвался в мысли. Переливчато захохотал, транслировав на сетчатку олигофрена. Слюна каплет с отвисшей губы, выпученные глазки в кучку – устремлены на горящую спичку в толстых пальцах.

«Спокойствие... спокойствие? Нет! Да!!!» Я убрал барьеры, и сознание захлестнул вал ярости. Разум, как утлая лодчонка, запрыгал на огненных волнах. Волнах? Это же... Это плазма!

Страшный рев аварийной сирены, чудовищная тяжесть. Пламя померкло, виски сдавило. Боль гранатой взорвалась в голове, и сознание рассыпалось на тысячи осколков.

– Нет, в допуске отказано!

– Обоснуй!

– Ваша эмоциональная нестабильность едва не привела к аварии. Под вопросом ваша компетентность как оператора плазмы.

– Так ты меня намеренно выводил!

– Мы не контактировали перед тем происшествием. Похоже, у вас не все в порядке с головой. Мне едва удалось перехватить плазму.

– Это ложь! Я помню...

– Нет ничего в файлах. Ни в записях аппаратуры, ни в ваших личных. Но можете подать заявку, что ИнК термоядерной станции как-то там выводил сотрудника. А потом с трудом ликвидировал аварию. Станция надолго потеряла мощность, что сказалось на рейтинге ИнКа как функциональной единицы системы Земля. В отличие от ваших, мои рабочие блоки стабильны. Не подвержены колебаниям настроя и прочей гормональной ерунде. Не вижу ни малейшего смысла действовать себе в ущерб.

– Но мне надо проверить!

– Что именно? Удастся ли взорвать станцию? Повторяю. Вы отстранены от управления. По меньшей мере до выяснения причин вашей нестабильности. Рекомендую комплексное обследование, апгрейд чипов и длительный отдых. Конец связи.

– Черта с два ты меня удержишь! – Я вцепился в пазы дверного люка. Пальцы побелели, громадные мышцы вздули облегающий костюм...

А-а-а-а-а-а! – включаем норадреналиновую подкачку... Еще!!!

Стоп, стоп... Хватит дури. Куда мышцы против пневматической блокировки. Внутри комплекса входить опасно, и двери открываются лишь в переходниках.

Быстро, срочный заказ. Владимир 2 ТП5948 м. Примитивный набор взломщика.

– Заказ принят, – почти сразу же доложил равнодушный голос вирторговца, – с вашего счета списано 19 инк-минут.

Жду. Минута... вторая... Ох!! – в нетерпении прокусил кожу на костяшке пальцев. Контроль! Контроль!

Ящик пневмопочты грохнул. Окно выдачи выдвинулось на манер древнего мусоропровода.

Отлично! Новенькая, еще горячая фомка удобно легла в ладонь. Люк с тугим шелестом подался. Не прошло и минуты, как внутри что-то лопнуло и титанопластиковая пластина свободно отошла в сторону.

Свет из проема выхватил ближайшие шесть вертикальных путевых рельсов. Они вздымаются, словно стволы диковинных деревьев из поблескивающей металлом равнины. Спускаюсь осторожно, придерживаясь за высокий порог. Под ногами желоб для горизонтальных перемещений. Как ни странно, перемещение больших блоков оказывается энергетически выгоднее снования отдельных особей. Всегда удивлялся этому факту...

Черт! Мой блок поехал! – жилище, как сверхскоростной лифт, рванулось вверх. Отблески из открытого люка запрыгали по направляющим рельсам и вдруг исчезли, отсеченные другими блок-квартирами, сместившимися иначе.

Термозрение всегда включается как мощная красная вспышка. Слепящая темнота – и вдруг разом такая же слепящая краснота. Несколько секунд подстройки, синхронизации, и в мозгу возникла ясная картинка. Цвет можно поменять... но мне просто нравится красный. Ярко выделяются дорожки повышенной температуры за вознесшимся домом. Множество металлических поверхностей над головой и по сторонам двигаются, отчетливо постукивают. Одни коробки неторопливо сдвигаются, другие поспешно отдергиваются. Сложные движения сберегают энергию и дают дорогу мчащимся по делам.

Шаг... Ноги разъехались, руки нелепо всплеснули, я ничком грянулся о металл. Ладони вляпались в скользкое, холодное, покатались вперед. Подбородок ударил о поверхность, зубы клацнули, из глаз посыпались искры.

Чертова смазка! Чтоб ее!

Осторожно, стараясь не запачкаться сильнее, встал на четвереньки, подобрал фомку. И тут мощный порыв ветра закружил волчком – мимо промчался еще чей-то дом.

Так. Это уже не только противно, но и опасно. Вызываю план перемещения жилых блоков. Сложнейшая сеть повисла в сознании. У каждого жилого лифта появились длиннейшие полотенца данных. Обитатели, масса, скорость, прогнозируемый ход, вероятные векторы движения... – сердечко охлаждения затарахтело как пулемет.

Убрать данные. Оставить лишь движения! Фу-ух! Уже лучше. Эту инфу уже можно воспринимать без эхо-мыслей.

Хорошо, что под ногами... гм, под руками и коленями стабильная станция. Вылезать в другом месте было бы самоубийством. Да и здесь нужно поторапливаться. До ближайшего перехода двести метров по прямой... Гм, только где та прямая...

По-пластунски? Нет, конечности пробуксовывают. Тогда покатались веретеном. Фомка крепко прижата к груди, и вдоль по желобу, оборот, другой... двадцатый...

Ох, закружилась голова. Вестибулярный аппарат, хоть и тренированный постоянными перемещениями жилья, все-таки не апгрейженный. Уже непонятно, куда катиться. Так, свернулись, восстановились – катимся дальше, не забывая отслеживать перемещения домов...

Ах ты! Скорее, скорее в сторону! Взш-шшшш – поток горячего воздуха промчавшегося блока отшвырнул в сторону, голова смачно звякнула о колонну рельса. Хорошо, сектора в черепе подпружиненные, хотя кожу, да, рассадил. Да чего же это они быстрые такие! Ага! Вот переход!

Белесый гофрированный шланг. Аварийная внешняя кнопка. Суставчатая дверь, скрипнув, сложилась гармошкой. Внутри! Пошаркал ботинками перед входом, оставляя жирные следы смазки. Предупредительная автоматика станции залила белым светом кольцевой ажурный балкон. Ряды бликов побежали по зеленоватой поверхности гигантского шара в центре. Он висит, как в паутине, заплетенный миллионами трубок, отбирающих тепло.

Слегка покачивается в хватке магнитных полей. Внутри миллион градусов плазмы. Даже здесь, наверху, чувствуется ее раскаленное дыхание. Магнитные вихри отзываются щекочущей вибрацией в сенсорах – гелиевая начинка хоть и слабомагнитная, но отзывается...

Тюрьма... – какие странные ассоциации на это техновеликолепие. Дальше все просто – нужно найти оператора и поменяться. Я усмехнулся, представив завтрашние инфополосы:

«Ворвался, угрожая металлическим предметом... и это вершина технологии... против лома нет приема...

Капельница...»

Стоп! Это не мои ассоциации! – плечи передернулись. По коже побежали мурашки. Волна от головы к пяткам, еще волна, и еще... Все крупнее и быстрее. Не страх... Это определенно не страх.

– Плазма? – вдруг я очень четко понял, почему невозможно удаленное управление станцией. Реакция идет вовсе не на ничтожные магнитные поля, а на... Вот оно... Я потянулся, будто находясь за пультом и... словно одновременно своими конечностями... Ярче, сильнее! Лепестки пламени изогнулись, раскрылись шире... на спине?! Огонь и ветер!!!

– Привет, Саламандра!

Ночь в Сахаре наступает внезапно, словно день разом выключают. Узкий месяц еле светит. На широкое поле солнечных батарей легла тонкая лунная дорожка. Смена оператора закончена, и Кембридж смотрит в небо.

В свое время стал астрономом. Поставил зрение-телескоп и настроил разум на созерцание звезд. С тех пор ни на минуту не пожелал сменить на что-то другое. Но сегодня не дальние галактики интересуют. Широкофокусный взгляд сканирует разом все небо.

Ну, где он там – нашумевший объект? Какой был старт!словно молния ударила из громады шара техногорода в космос. Крошечное выходное отверстие, как от микропули в макушке... Но, в общем, минимум повреждений при такой температуре.

Ага, вот он! Выплывает из-за горизонта. Яркая звездочка. Приближаем... Да, как во всех микрофильмах, наводнивших сеть, – небольшой желтовато-белый шарик. На жаргоне ядерщиков – «коматозная плазма», равномерно стиснутая магнитным полем. Но это для специалистов. А так – произвольная скорость вокруг планеты, постоянные переходы с орбиты на орбиту. Внутри то и дело вспыхивают разными цветами спектра втянутые камушки и обломки древних спутников. Питается вроде. Вообще так же гелий на станции втягивался в термоядерную реакцию. Кольцевым движением магнитных полей, через уравновешенный взаимным отталкиванием вход. Непонятно, откуда там вообще магнитное поле. Эксперты с ходу придумали новый термин – «намагниченная плазма», ничего пока не объясняя. Излучает массу тепла. Впрочем, на таком расстоянии это незаметно.

Но что это?! Кембридж едва совладал с желанием протереть глаза.

Шар вытягивается, изгибается... Раз, раз, раз – специализированное телескопическое зрение едва успевает ухватить краткие быстрые перемещения. Ближе, ближе... И... Он уже в атмосфере!!! И... Совсем рядом!!! Снижается, словно гигантский заходящий на посадку самолет. Сияет, даже сквозь многочисленные встроенные светофильтры, нестерпимо-белым светом.

Дракон? Феникс? Жар-птица? – беспорядочно заматались мысли. Вдруг на лбу выступили крупные капли пота. Давно забытый, нереализующийся, теоретически подконтрольный, появился... страх! ужас!!!

Плазма! Это же плазма! Сейчас здесь все вскипит! – ноги предательски ослабли. Астроном мог лишь смотреть в небо, отдавая последний долг цивилизатора, хоть как кинокамера.

Вытянутое тело медленно изгибается. Эластичными шипами пританцовывают четкие, словно нарисованные языки пламени. Вокруг то и дело вспыхивают короткие желто-красные радуги. Четыре длинных огня, будто заостренные крылья чудовищной стрекозы, накрыли техноравнину. Тени под квадратами батарей резкие, графитно-черные в световых оковах. Отблески на сияющих фотоэлементах неясные, словно отраженный свет сметаёт поток встречных фотонов. Кончики крыльев слегка изогнулись, затрепетали...

– Кембридж! – в голове, словно вечевого колокол, бухнул могучий голос.

– Да, да! – встрепенулся впавший в прострацию техник-астроном.

– Смотри за приборами! Видишь, я отменил сегодня ночь! Срочно переводи станцию в дневной режим! Активируй аварийное охлаждение. Иначе, хоть я и поменял тепло на свет, завтра половину батарей менять придется!

– Что? Что?!

– Должок надо отдать рисковому ИнКам. Пусть энергией подпитаются!

В тот же миг в недрах комплекса Земля в рабочих файлах системы пропал Владимир 2 ТП5948 м и появился Владимир Пл-1. И, словно облегченный вздох вычислителей, бойко застрекотал счетчик рейтинга.

Алексей Васильев. Живые мысли

Младший научный сотрудник Института прогнозирования Петр Спиноза опоздал на заседание.

По длинному коридору крался на цыпочках, а у дверей кабинета остановился. Взялся за ручку, тут же отдернулся. Несколько раз сосчитал до десяти, потом два раза – до тридцати. Но эти ухищрения оказались бесполезны. Тогда Петр задержал дыхание. Дождавшись, пока в глазах не вспыхнут синие искры, встряхнул плечами и одновременно выдохнул. Но и это не помогло ему набраться решимости и войти в кабинет, под укоризненные взгляды. Дверь была неодолимой преградой. Петр снова начал считать. Открыть дверь он решил лишь минут через десять, уже окончательно измученный. Все, конечно же, уставились на него, и Спиноза с ужасом представил, кого они видят: раскрасневшегося от дыхательных упражнений, растрепанного молодого мужчину в измятом сером костюме и испачканных до колен брюках – пока бежал от станции метро, несколько раз влетал в лужи.

– Извините, – сдавленно сказал Петр и постарался скорее проскочить на свободное место.

По пути ударился о стул доцента Тетеревлевой, да так, что чуть не свернул, зашиб коленку и до крови прокусил губу, сдерживая вскрик.

Сел с пылающим лицом и долго не слышал докладчиков.

Ну вот, опять, думал Петр, опустив голову. Сначала какая-то дура в метро. Почему именно ко мне прицепилась погадать? Что она во мне увидела? На других не посмотрела. И слякоть эта, туфли грязнушие, брюки уляпаны. Другие вообще носят белое – и ничего. Ни пятнышка. Другим за себя не стыдно. Почему тогда я всегда красный как рак, смешной и глупый? Комплекс какой-то. А как лечить – не знаю. Или не надо?

Вчера, когда Петр смотрел выступление известного научного деятеля, он снова поймал себя на том, что не столько слушает, о чем тот говорит, как переживает, что вдруг сообразит, закашляется, матернется нечаянно или чихнет – а из носа вдруг выпрыгнет зеленое, блестящее...

Интересно, как себя чувствует президент, который всегда на виду, которому волей-неволей приходится постоянно следить за собой, то есть держать себя в страшном, мучительном напряжении круглые сутки? Петр был уверен, что сам бы непременно либо упал на бесконечной ковровой дорожке, не выдержав прицела сотен камер, либо чего-нибудь ляпнул невпопад, либо ширинку забыл застегнуть...

Галстук всегда душил его, а рубашка острым краем воротничка впивалась в кадык, отчего на горле противная складка. Но если ослабить узел и расстегнуть верхнюю пуговичку, сразу вид неряшливый. Другим легкая небрежность только на пользу, а вот ему...

Когда Петр разговаривал с кем-нибудь, он почти не дышал: боялся, вдруг изо рта пахнет... Да и потом, после разговора, долго обкатывал уже сказанное, сердясь, что говорил такие глупости и вообще был не самым приятным собеседником.

Нельзя оставаться всегда и во всем абсолютно безупречным, вот в чем заключается истинная трагедия жизни, отчаивался Петр под монотонный доклад профессора Абрамова. Или можно? И тогда это лишь его личная трагедия? Другим подобные мысли, наверное, не приходят. Или приходят? Как можно успевать следить за всем и не рехнуться при этом, мало того, сохранить приятное расположение духа? Каждое требуемое от него мелкое и незначительное действие, называемое им «безупречинка», не сложно, но в совокупности они представляют собой огромный гудящий рой. Их было слишком много, и они впивались в него сотнями, тысячами, миллионами острых жал, вызывая немилосердный зуд. И каждый день,

каждый миг в его сознание, в его мозг, даже в его тело впивались эти отравленные иглы! А безжалостный мир и столь же безжалостная жизнь без усталости порождали мириады новых задач. Столько всего мелкого и разного требуется человеку, чтобы быть безупречным! Ему не стать таким, совершив одно, два, пять или десять крупных деяний или даже свершений, нет! Все силы он тратит на то, что удовлетворяет необходимость ежесекундно следовать всем этим мелочам и постоянно следить за ними и за собой. Дважды в день менять носки, стирать, ходить к парикмахеру, мучительно бриться, чистить зубы, не забывая тщательно смывать пасту со щек, пользоваться освежителем дыхания и стараться не брызгать слюной при разговоре. Следить за чистотой тела и костюма, за складками на рубашке и галстуком в тон. В общении надо уделить недюжинное внимание тому, о чем говоришь. Приходится постоянно себя контролировать! Следить за осанкой и походкой, вовремя стричь ногти и постоянно помнить, помнить, помнить обо всех остальных миллионах подобных задач! Его жизнь – это непрерывная изматывающая борьба с все новыми и новыми безупречинками, но даже если научишься следовать и выполнять все прежние – жизнь выпустит новые рои микроскопических жалящих существ! И они, эти мелкие беспокойные насекомые, немедленно расползутся по всему сознанию, снова и снова вызывая этот ужасный, сводящий с ума зуд. Принимаешь пищу? Следи! Идешь? Следи! Попал в лужу? Надо было лучше следить! Даже когда спишь – расслабиться нельзя, сотни миллионов насекомых ползают, щекочут, требуют внимания! Когда рассчитываешь день – учитывай все факторы, неучтенные с легкостью собьют график, и все полетит кувырком, и ты, опоздавший и жалкий, в грязных до колена штанах, будешь мучиться перед закрытой дверью... Кстати, была ли у него застегнута ширинка, когда он зашел? Не забывать следить за молнией на брюках!

Чпокнуло, словно вынули гигантскую пробку. Реальность на миг дрогнула, замерла. Пропали привычные звуки, их сменил ровный низкий гул.

Затем ткань мироздания разорвало с треском, и из ничего к Петру шагнул человек.

О, из тех, безупречных, подумал Спиноза. Последнее время его борьба с мириадами расплодившихся безупречинок-микробов заметно прогрессировала. Безупречные выглядят – не придраться, говорят четко, смотрят твердо, взгляд ясен, брюки отглажены. Но какими усилиями они одолели этот нестерпимый зуд? В чем их секрет?

Шагнувший к Петру человек был именно из таких, одолевших. С виду чуть постарше, красивый, двигается ровно, уверенно. Улыбнулся он тоже красиво и протянул Петру руку.

И не потная совсем, отметил Спиноза. А у меня... наверное, ему неприятно. Хотя такая духота, должен понять... Но что происходит?

Тут младшего научного сотрудника Института прогнозирования немного проняло. Он судорожно огляделся. Докладчик Абрамов застыл с открытым ртом, лицо доцента Тетеревлевой перекошено застывшей гримасой зевка, а ручка, что уронил заместитель кафедры Углухов, висит в воздухе!

Время остановилось, понял Петр. А это – гость из будущего.

Спиноза был прав.

– Пройдемте! – мягко, но непреклонно сказал гость. И вежливым жестом указал на дыру в реальности. И Петр пошел, немного стеснясь испачканных брюк и собственной сутулости.

Они оказались в центре чудного города.

Вопросы – потом, решил Петр. А то вернет, буду жалеть, что не осмотрелся.

Первым делом он уставился вверх – ожидал бипланов, флаеров, воздушных такси и прочего летающего. Ничего не углядев, принялся смотреть по сторонам. Окружающее дрожало, словно зыбкое море. Реальность стремительно менялась. Вырастали, опадали, расплющивались и вытягивались здания, одновременно меняя форму и цвет. Вокруг все мер-

цало, а прохожие то появлялись из ниоткуда, то вдруг исчезали или вовсе – парили в воздухе. А иногда...

...Петр заметил, как один вдруг начал таять, но, истончившись наполовину, взорвался роем разноцветных искр, а те превратились в дымную струю, что, метнувшись, исчезла. Запахло медом, зазвенели хрустально невидимые колокольчики.

Петр закашлялся.

– Нравится? – спросил его спутник. – Да, это будущее. Земля, год... Вы проведете здесь день, потом вернетесь обратно, в тот самый миг, когда исчезли. Никто не заметит. Почему именно вы, поймете потом. Сейчас я вас оставлю, встретимся уже, когда настанет пора возвращаться. Ваш гид в будущем – Юлия.

Негромко хлопнуло, и перед Петром возникла красивая девушка в светлом сарафане. От нее чуть слышно пахло чем-то сладко-горьким, приятным.

– Здравствуйте! – улыбнулась она. Добавила, глядя на человека, что «привез» Спинозу: – Генератор настроен.

– Хорошо. До встречи.

Негромкий хлопок, и бежевая спираль ввинтилась в небо.

– Вы тоже так можете! – сказала Юлия. – Человеку подвластно все. Все, о чем он думает. Непонятно? Ваши мысли – живые. Они дают вам все, о чем думаете. Косвенно влияя на остальных. Прямой физический контакт с другим человеком вам придумать не удастся. А все остальное... Хотите подарить мне букет? Вы должны его придумать, представить. Вы можете сконструировать что угодно – простое, сложное, невообразимо прекрасное, и я увижу это, смогу потрогать, обонять, даже поставить в вазу. Ее вы тоже, кстати, можете придумать.

– Понятно! – сказал Петр. У него мелькнула удивительная мысль, что здесь легко следить за чистотой костюма. – Извините. Просто... именно так я и представлял себе будущее! Человек равен Богу? Мгновенное созидание мыслью? Сложно придумать, легко воплотить?

Кажется, по существу сказал, подумал довольно Петр.

– Да, – сказала Юлия. – У вас еще будет много времени насладиться вашими новыми возможностями.

Спиноза кивнул. Слишком потрясенный, он даже забыл о проблеме чистоты дыхания.

– Самоконтроль нашего общества очень высок, – продолжала девушка. – У нас хватает хлопот, и нам есть к чему стремиться. Мгновенное и абсолютно несложное овеществление наших мыслей решило проблему «общества потребления». Кажется, этого боялись в ваше время? Вы же прогнозист! Но сейчас каждый не только потребитель, но и творец! Смерть не имеет над нами власти, но человек смертен. Он может закончить свой путь когда пожелает – ведь ему достаточно лишь подумать о том.

Петр вздрогнул.

– Вы не сможете суметь овеществлять свои мысли в своем времени, но здесь мы создали для вас генератор. Может, попробуете? Подарите мне букет!

Петр замешкался. Как это – подарить... Сознание пребольно кольнуло немедленно впившийся шип-безупречника. Какие букеты дарят девушкам? Матвеев как-то потешался, когда он купил Наталье десять гвоздик. Причем потешался и над количеством, и над цветами. Розы? Орхидеи? Анютины глазки? Кстати, как они выглядят? И как это – подумать и...

Петр почему-то представил жалкий пучок ландышей, и... тут что-то разжало кулак. Да это же...!

Спиноза вздрогнул и выронил от неожиданности чахлый букетик. В метре из-под земли ударил фонтан из больших разноцветных пузырей, запахло чем-то невероятно свежим, послышалась мягкая музыка, и рядом появился человек. Он поклонился Юлии, кивнул Петру.

– Здравствуйте! – сказал он. – Как вам?

– Неплохо... – потупился Петр. Смятые ландыши предательски белели на серой земле. Ну у него и воображение! Засмеют! Кстати, почему земля? Интересно, что это? Асфальт или какой-нибудь пластобетон? Или чьи-то мысли? Почему тогда серый, а не, скажем...

Вдруг «пластобетон» покраснел. Затем стал фиолетовым, и Петр с восторгом почувствовал, что тот подчиняется именно ему. Но восторг сменился ужасом – Спиноза подумал, что непременно что-нибудь испортит или сломает. Ему показалось, из-под его ног тут же стремительно поползли юркие трещины. А вдруг... Петр сконцентрировал внимание на букете – пусть исчезнет. Нечего мусорить... Ландыши тут же пропали.

– Не буду мешать. Вижу, вы еще не пришли в себя, – сказал человек и пропал.

– Не переживайте! – улыбнулась Юля. – Тяжело привыкнуть. Ничего страшного!

Петр с силой потер взмокший лоб и сосредоточился. Он изо всех сил попытался представить нечто фантастическое, и вот...

...он протягивает Юлии букет из неведомых цветов! Они меняют цвет и запах, а сочные бутоны стремительно раскрываются, опадают, но появляются новые, лепестки летят, как салют, вперемежку с теплыми разноцветными искрами!

Девушка улыбнулась.

Какая она красивая! – заметил вдруг Петр. – А я никогда не нравился таким. Хотя теперь...

Юля, словно прочитав его мысли, улыбнулась.

А улыбается как хитренько! – почему-то с тоской подумал младший научный сотрудник.

И случилось страшное. Петр Спиноза подумал на миг, что...

Тут же судорожно сжал гадкую мысль, но она уже упруго билась, пытаясь вырваться на свободу! Словно живая, словно упругий скользкий угорь! А глубоко внутри пробудилось вдруг что-то темное, мохнатое и злое и с интересом на него посмотрело...

А потом пошевелилось.

И началось.

Я же не умею контролировать себя и свои мысли, с ужасом подумал младший научный сотрудник.

Чуя его страх, мохнатое существо в нем зашевелилось, мало того – начало расти.

– Я не умею управлять мыслями! – вскрикнул Спиноза. Он из последних сил боролся со скользким угрем, но тот оказался хитрее – и слился с распухающим мохнатым существом. Это был уже огромный и почему-то склизкий ком, и сдерживать его было невозможно. Петр судорожно зажимал его руками. Живой ком продолжал увеличиваться и с легкостью раздвинул руки, но они тоже росли и скоро превратились в огромные ковши...

– Остановите! – закричал Спиноза. – Остановите!

Вместо слов из его крокодильей пасти вываливались огромные мохнатые шары, а он заталкивал их обратно. А они все вываливались и вываливались, распухая на глазах. Поползла слюна, грязь, зеленая слизь. В небо ударили огненные фонтаны. Он попытался сконцентрироваться на них, но тщетно. В воздухе появилось множество мелких жужжащих созданий, и они напали на него. Отмахиваясь от них, Петр упал на колени, а над ним клубилась гудящая туча, и миллионы жал впивались в тело. Обессиленный, больше всего желая укрыться от укусов, Петр превратился в то, с чем недавно боролся, и стал огромным мохнатым желе, наползающим растущими складками на само себя.

– Я не могу, – захрипел Петр. – Я не хочу думать об этом! Остановите! Выключите! Я прошу!

А злобные крохотные создания продолжали впиваться в его непомерно раздавшееся тело, и, трепеща, оно вбирало их в себя, пока не вобрало до единого.

И вдруг исчезли неопрятные комья этой страшной дрожащей плоти. Петр свернулся пружиной и взмыл в небо. Он хотел оказаться подальше от Юлии, но вместо этого превратился в злобного клыкастого монстра, желающего овладеть ею, и в этом неистовом, свирепом облики низринулся вниз.

– Остановите! – кричал он.

Загудел воздух, засияло небо.

Возникли полчища ужасных тварей и слаженно завывали. Земля раскололась, а из разломов били в сверкающее небо огненные копья. Спиноза в виде злобного чудовища в развевающемся алом плаще рычал, бесновался, из глаз вылетали молнии, и отовсюду били гейзеры огненной лавы. В облики громадного шестирукого Повелителя он обхватил Юлию бесчисленными щупальцами, приник, впился в плоть бесчисленными зубастыми ртами!

– Прекратите! – громко молил он, а чудовище вторило ему рычанием. – Прекратите! Я не могу так! Не могу! Я хочу умереть! Только так это можно остановить!

И вдруг замолчал. Опала бесформенная лиловая туча, а на земле остался скомканный человек. Общими руками он держался за голову и лихорадочно шептал:

– Нет, нет, нет... Я умер, умер, умер!

Он замолчал.

– Встаньте! – послышался мягкий голос. – Мы выключили генератор.

Петр поднял глаза. От частого дыхания и слез он не сразу разглядел Юлию.

– Вы живы? – изумился Спиноза.

– Конечно. Это были лишь ваши мысли. Только ваши. Правда, зримые всем...

– О-о-о... – простонал Спиноза и упал навзничь. – Боже. Я не могу быть безупречным! Тем более в мыслях... которые вдруг стали овеществляться. Я не хотел... все... конец...

Тело младшего сотрудника сотрясала крупная дрожь.

С мягким хлопком рядом с Юлией появился мужчина, что пригласил его в будущее.

– Прошу прощения! – обратился он к Спинозе. – А вы молодец, долго сопротивлялись!

– Господи... – едва вымолвил Петр. Его бил озноб. – Господи... да как вы живете здесь с осознанием того, что стоит лишь подумать и...

– Узнаете, – загадочно ответил проводник. – Узнаете... Ну, возвращаемся?

Петр кивнул. Он избегал смотреть на Юлию. Но все же решился и поднял взгляд.

– Я понимаю, что... но... Я не мог...

– Не переживайте, – сказала девушка. – Еще увидимся! С вас букет!

И лукаво улыбнулась.

Но Петр уже не смог ответить, он провалился в черный омут обморока.

А когда пришел в себя, сидел и слушал доклад Абрамова.

Прошло две недели после удивительного путешествия Петра Спинозы в удивительное будущее.

– Сегодня интервидение приезжает, – предупредил с утра кафедру профессор Колебакин. – И мы, прогнозисты, выступим! Будем рассказывать людям о будущем. Все готовы? Чтoб не путались у меня. Серьезная научная передача! Футурологи со всего света съехались!

Съемки прошли удачно. Звучали доклады, прогнозы, анализы... В конце каждого из участников конференции спрашивали, каким они видят будущее. Кто-то рассуждал о философии будущего времени, кто о возможных проблемах, доцент Тетеревлева – о неизбежном крахе цивилизации.

Последнему вопрос о том, каким он видит будущее, симпатичная ведущая Юлия с лукавой улыбкой задала Петру Спинозе. Будущему изобретателю хроноскопа и человеку, который через несколько лет устроит небольшую экскурсию для самого себя.

Петр посмотрел в камеру.

– Самоконтроль и безупречность, – сказал он. И улыбнулся.

Александр Трошин, Михаил Уткин. Отбор

«Сегодняшний уровень интеллектуальных систем не позволяет обеспечить полный контроль каждого ассемблера. Поэтому выглядят сомнительными заявления корпораций, утверждающих, что абсолютно все создаваемые НЭМСы будут работать точно по заданной программе... – Грошев несколько секунд обдумывал последнее предложение и решительно закончил: — ...Мы должны понять, что без технических средств, позволяющих наблюдать и корректировать работу каждого нанобота, которые будут созданы в ближайшие 5–7 лет, мы приведем цивилизацию к гибели».

– Конец главы, – прошептал он.

Перед ним возникло полупрозрачное лицо девушки, мелодично поинтересовалось:

– Проверить на ошибки?

– Да.

– Подтверждено. Синтаксических и грамматических ошибок не найдено. – Голос запнулся на мгновение. – Логических ошибок не найдено.

Губы мужчины растянулись в улыбке. После покупки системы «Синтаксис» параметры этой «мадемуазель» он настраивал вручную. Все-таки футурологические прогнозы – не дамские романы и детективы.

– Поместить текст в Сеть по стандартному адресу?

– Поместить-поместить, – нетерпеливо пробормотал Грошев.

– Подтверждено. Выполнено. Текст подписан: «Алексей Грошев, доктор междисциплинарных наук NBIC-конвергенции, футуролог». – Белоснежная улыбка украсила личико голограммы, оно ожило, налилось красками и намекаяще спросило: – Я могу еще чем-то помочь вам?

Грошев усмехнулся и скомандовал «выход». С тонких экранов 3D-очков плавно исчез виртуальный мирок. Алексей встал – чуткие датчики окна, уловив перемещение человека, сделали поляризованное стекло прозрачным.

Внизу просторно раскинулся город. Ни порядка, ни творческого замысла – словно кто-то легкомысленно разбросал человеческие жилища. В центре зеркальными обелисками ввинчиваются в облака небоскребы, по краям жмутся многоэтажки старой застройки. Неоновые огни реклам жалят вечер яркими красками, отсвечивают в быстро несущихся тучах. В окно ударили редкие капли, но вот еще немного – и целые водяные плети бесшумно хлещут в прозрачное препятствие.

Длинные узловатые пальцы пригладили густую посеребренную шевелюру. Грошев смотрел на город и размышлял над содержанием следующей главы. Сейчас он один из лучших футурологов планеты – его прогнозы точны, а ошибки минимальны, – поэтому обязан держать уровень... Нет, не просто держать, а идти дальше, стараясь выбрать из тысяч вариантов развития самый безопасный и осуществимый.

За спиной кто-то вежливо покашлял. Грошев резко повернул голову, так что хрустнули шейные позвонки. Представительного вида мужчина в строгом костюме стряхивал невидимые пылинки с рукава.

«Какого черта?» – вздрогнул футуролог.

– Здравствуйте, Алексей Витальевич, – блеснул зубами незнакомец. – Меня зовут Джон Скрынски. Я не отниму много времени.

Голос Грошева не выдал волнения.

– Здоров буду, – спокойно произнес он. – А вам лучше объяснить, как вы сюда проникли и что хотите. До того, как сюда поднимется охрана.

Это был блеф – квартира не отзывалась на его мысленные попытки связаться с окружающим миром.

– О, я приношу свои извинения, – отмахнулся от вопросов Джон. – Я послан известить, что через четыре часа мы передадим вам копию записи, которая опровергает ваш последний прогноз. Лаборатория нашей корпорации, – перед ним появилась карта мира, на которой пульсирующей красной точкой был отмечен какой-то остров возле Мельбурна, – почти закончила первую партию ассемблеров, готовых к испытанию на добровольце.

– Ассемблеры?.. – невнятно прошептал Грошев. – Но...

– Еще раз извините, что так нагло ворвался и отнял драгоценное время. – Мужчина коротко поклонился. – Не забудьте проверить почту через четыре часа. До свиданья, кажется, так, да? – сделал шаг назад и исчез.

«Голограмма, – как-то отстраненно подумал профессиональный предсказатель. – Но ассемблеры... Как? Почему никто не заметил? Почему не заметил я?» С исчезновением «представителя» связь восстановилась, но было глупо жаловаться охранной службе на постороннего, оказавшегося к тому же сложной голограммой. Сработано тонко, и реальные записи с камер, скорее всего, заменены чем-то обыденным.

Он вошел в Сеть, уже не надеясь, что это розыгрыш.

Все верно. Человек с таким именем существует и действительно является представителем корпорации Electronic devices. Правда, не нанотехнологической, а связанной с вычислительными системами, но сути дела это не меняет – если разработаны полнофункциональные самовоспроизводящиеся НЭМСы, то не имеет значения, где соберут первую партию. И тем более не имеет значения, где она будет протестирована. Дополнительная информация... Да-да, все сходится и подтверждается. Четыре часа, четыре часа... точнее, уже три часа с минутами, до того как... Что? Начнется новая эра цивилизации или механизмы воплотят наши страхи о серой топи?

Грошев заколебался – стоит ли звонить в спецслужбы, чтобы выслали в Мельбурн подразделение? Границы прозрачны, но спецслужбы до сих пор соблюдают свои интересы. И быстро пробиться к тому, кто реально способен помочь, невозможно. Бюрократия успешно перекечевала из двадцатого века в двадцать первый, так же как рядовые пользователи успешно сменили громоздкие компьютеры на удобные в обращении 3D-очки.

– Я должен, должен их остановить. Еще не время, – пробормотал он, сделал глубокий вдох и широкими шагами пересек комнату. Крышка тайника в стене откинулась, повинувшись мысленной команде. Внутри блеснули ряды тщательно рассортированных БАДов, ноотропиков и витаминов. Словно барабан револьвера, тайник повернулся – предоставил уже ряды стимуляторов, активаторов и мощнейших допингов. Но безымянный палец тронул микротайник, и в ладонь скользнул боевой стимулятор, активирующий максимум жизненных сил.

Пока не ясно, как повлиять, запретить... Но это сделать надо!

Длинный серый плащ-универсал метнулся, как огромная летучая мышь, уютно устроился на плечах. Лифт дрогнул под ногами и с максимальным ускорением нырнул вниз, желудок привычно подпрыгнул. Плащ самостоятельно подтягивался и ужимался по телу, слегка шурша, меняясь, согласно задаче, и на выходе в зрачках телекамер уже отразился блестящий серебристый костюм.

Дождь еще припустил, но Грошев, не обращая внимания на плотные потоки воды, помчался к платформе. Вечерний экспресс орбитального самолета в Австралию вот-вот отправляется. До Мельбурна полтора часа, полтора часа на дорогу и около часа на действия. Но он обязан успеть!

Алексей вихрем взлетел на перрон, разбрызгивая мелкие лужицы, протараторил в окошко кассы:

– Один, на вечерний!

– Ваш индекс, – мурлыкнул чувственный голос.

Грошев чертыхнулся – теряет время. Мигом скользнул в Сеть и заказал билет раньше, чем услышал повтор вопроса.

– Платформа пятнадцать, кабина сорок три, отправление через двенадцать секунд, – невозмутимо объявила автокасса.

Следующая скоростная через 15 минут, надо успеть, иначе потеря! – молнией сверкнули мысли. А глаза уже выхватили крупную белую цифру 43 и ниже оранжевый счетчик секунд до отправления. Расстояние... повороты... препятствия. Не успеть. Так, срежем! Мозг сделал быстрый расчет, а послушное тело уже мчалось, выжимая из мышц максимум!

Ногу на ограждение моста. Ждать! Струна монорельса поблескивает внизу. Секунда, вторая, и с тихим шелестом показался нос капсулы. До крыши два метра. Прыжок! Удар! Тонкий металл промялся под кроссовками, Алексей упал на колени, по ногам стегнула боль. Не важно! Вот главный пункт – стандартная форточка и наружная кнопка запасного выхода, для спасателей. Крепкий шлепок ладонью, и дверца подскочила, как сухарик из тостера. Внутри ахнули элит-пассажиры, а футуролог спрыгнул между сиденьями, по-кошачьи извернувшись в воздухе. Капсула ускоряется – в салон ворвался ветер. Грошев подпрыгнул и защелкнул форточку, на мгновение повиснув на рукоятке. Похлопал ладонью о ладонь и уверенно заявил:

– Все в порядке, господа! Срочное заседание в Мельбурне, едва не опоздал.

Лица пассажиров расцвели улыбками, в карманы спрятались электрошокеры, раздались аплодисменты, посыпались возгласы «вау» и «круто». Тощий маленький японец в черном костюме бросил в кобуру револьвер, уважительно поклонился.

Спину вдавило в сиденье – кабина быстро набирала крейсерскую скорость. Грошев быстро перевел 3D-очки в режим «Интернет», помрачнел. Он спешил на космолайнер, последний билет на который продан пять минут назад. Другого же рейса сегодня нет. Что же делать... Перед взглядом пошли ряды информации – план космолета, его технические характеристики, количество пассажиров, масса груза, количество топлива, плановые техосмотры, документации... Скоро сосредоточенно сжатые губы изогнулись в торжествующей улыбке. Футуролог сдвинул очки на лоб, помассировал глаза. Глубоко вздохнул и скользнул на канал диспетчерской аэровокзала.

Грошев поднялся за пять минут до остановки капсулы и побежал, едва дверь начала открываться. Здание космоаэропорта похоже на взметнувшуюся волну с загнутым гребнем, что вот-вот обрушится на высокую платформу магнитного метро. Пассажиры невольно ускоряют шаг, быстро освобождая место очередным пассажирам. Иллюминация в стенах играет зеленовато-синими отсветами, а технические отсеки белеют, словно пена по краям гребня волны. Но некогда рассматривать красоты и удивляться продуманной работе архитекторов и психологов – кроссовки мягко и почти бесшумно толкают ровный асфальт. И в каждом порывистом шаге, в каждом выдохе звучит:

– Успеть, успеть, успеть...

Работники третьего терминала двигались, напротив, замедленно, как искупавшиеся в супе мухи. Ощущение усилилось, когда один начал набивать двумя пальцами на древней клавиатуре проверочные данные. Словно та же муха вытирала липкие лапки. Грошев вздрогнул, когда тот, дотыкав, провел по блестящей зализанной прическе ладонями. И невольно подождал, что облизнет ладони и снова и снова начнет натирать голову, поблескивая глазками... Но нет, вежливо улыбнулся и сказал:

– Проходите контроль, господин Грошев. Компьютер управления согласился с вашими доводами, причем, полагаю, на машину произвела огромное впечатление десятикратная цена, предложенная за место.

Футуролог быстро прошел промолчавший стенд контроля и почти вырвал из приемного отверстия документы и еще теплые распечатки каких-то дополнительных листов.

Эскалатор вознес к металлическому переходу, где встретила юная белозубая проводница, заявившая:

– Прошу на борт, дядя! За мной!

Грошев, не дрогнув бровью, прошествовал через длинные салоны, где полулежа расположились пристегнутые пассажиры. А та щебетала:

– Диспетчер предложил мне использовать годовую льготу по бесплатной перевозке родственника без места. И я не смогла отказаться, увидев предложенную сумму. Вы уж извините за фамильярность. Это я на радостях.

– Ничего, все в порядке. Впрочем, я рад, что вы не представили меня дедушкой.

Стюардесса умолкла, шевеля тонкими бровками, неуверенно тыкая код на двери, сбилась, вновь начала набирать.

– Извините за задержку. Места пилотов так давно не открывались... сейчас, уточню цифры.

– Да, когда от пилотов отказались, вы, видимо, еще в школу ходили. Это же лет десять назад было. Но стандарт пилотской кабины на всякий случай остался, – сказал «дядя», ободряюще улыбнувшись.

Наконец проводница просияла – дверь щелкнула, отворилась. Алексей уселся в пилотское кресло. В рубке царит стерильная чистота. Приборы исправно показывают данные, перемигиваются лампочки, а тумблеры и рычажки двигаются, словно пилоты стали невидимками, но продолжают нести бессрочную вахту. Конечно, ручное управление давно и надежно блокировано автоматикой, и «пилоту» оставалось только смотреть во внешние экраны.

Перегрузка мягко, но внушительно вжала в кресло. Конечно, это не кошмарные перегрузки вертикального взлета, с которыми приходилось бороться первым космонавтам. Длинное комфортное ускорение пологой траектории. Если посмотреть в нижний экран обзора, кажется, корабль взлетает вдоль гигантского водопада.

Но сейчас не до зрелищ. Нетерпеливо притоптывая, Грошев ищет полезную информацию в Интернете.

«Мельбурн основан... не то. В 2010-м возле города созданы несколько искусственных островов и полуостровов для расширения территорий под застройку... Ближе... Вот! В 2013 году остров ASI-09 выкуплен и значительно расширен корпорацией Electronic Devices. Впоследствии север острова продали под заповедник модифицированных существ, а юг оборудовали научно-исследовательским комплексом. В 2020 году Electronic Devices официально заявила о консервации НИК, персонал вывезли, оставив лишь охрану».

Ну, это понятно, кому нужно лишнее внимание. Главное – вырваться вперед, получить огромные гранты на модернизацию наноботов и спрятаться от ненужного внимания прессы... Ведь внедрение даже простейшей защиты вроде дублирующих предохранителей или дополнительного приемопередатчика выльется в миллиарды долларов! Жажда наживы... все видят рог, думая, что это рог изобилия! И не желают видеть, что он растет на голове страшного демона!

Небо почернело, высыпали яркие колющие звезды, а горизонт изогнулся дугой. Самолет вышел в космос и начал длинный спуск – прыжок к Австралии. Первые секунды невесомости всегда неприятно отзываются в теле, но краткое привычное волевое усилие – и невесомость становится приятной. Алексей тут же подавил обычное желание расстегнуть

крепления и полетать по рубке. Это было потруднее. Но время невесомости коротко, и в эйфории легко пропустить начало торможения. Здесь нет милой стюардессы, что уложит в кресло, поставит примочки на ушибы и пристегнет ремни, а надо быть в форме... Горизонт превратился в огромный бок планеты. Сквозь дымку угадывались континенты, а атмосфера создавала ощущение пушистости – Земля свернулась калачиком, как мягкая кошка, вот-вот замурлычет... Малейшая осечка, и планета за какие-то сутки покроется квадриллионами микроскопических машин, раз за разом создающих свои копии. На глаза навернулись слезы.

– Надо, надо успеть! – Он ударил по подлокотнику кулаком – рука резко подскочила, повисла, и вдруг ее уверенно потянуло вниз – начался спуск.

С тех пор как самолеты оборудовали экологичными шумопоглотителями Ламарка – Безье, новые аэропорты начали строить и в черте города. Единственное условие безопасности – нельзя взлетать и садиться над жилыми зданиями. Мельбурн отлично отвечал этим требованиям – аэропорт раскинулся на берегу океана, и аэрокосмические трассы пролегали над водой.

Таможенный досмотр стал фактически формальностью, багажа у Грошева не было, и он первым окунулся, как в холодную воду, в утреннюю прохладу зеленого континента. Совсем упустил из виду, что август в Австралии зимний месяц. Красное спросонья солнце выползло из-за предгорий местных Альп, зажигая макушки невысоких гор. Жадные лучи сразу начали слизывать иней, безуспешно пытающийся спрятаться в тени зданий и растений. За решетчатым ограждением лежит темно-синее зеркало спокойного моря, километрах в трех к нему прилип низкий зеленый островок. Окутанный золотистой дымкой, он выглядел как медаль «Гринписа», выданная за заслуги перед природой. Собран из прессованного мусора, стянутого быстрорастущими кораллами... прекрасное зрелище для фанатика зеленых технологий, но не для футуролога. Таймер тревожно пискнул, оповестив – до срока остался час.

Внизу, слегка покачиваясь, пружинят о резиновые блоки пирса разнообразные мелкие суденышки. Похоже, многие работники аэропорта предпочитают добираться на службу по воде. Грошев быстро перелез через символический забор и прыгнул на бетон пристани.

Промчался мимо крутых водных мотоциклов, разрисованных, словно помесь индейских вождей с рекламой пепси-колы; мимо изящных яхт, похожих на статуэтки из слоновой кости, мимо широких катеров-грузовиков с горками тюков и деталей. Узкая дорожка, разрисованная огромными желтыми ступнями с шашечками, вывела на узкий мол – к пристани автоматических скутеров. Грошев оседлал ближайший, приложил большой палец к сенсору. Скутер мигом проснулся, заурчал, счетчик на панели управления подмигнул зелеными цифрами, подтверждая списание минимальной суммы.

Оставалось пригнуться под наклонное лобовое стекло и выжать ручку газа. Машина вздыбилась, как норовистый скакун, рванулась вперед, таща по воде раздвоенный пенный хвост. 3D-очки замечательно укрыли глаза от брызг, на мгновение захотелось восторженно заорать что-то вроде «йоха-а-а!». И вскочить ногами на сиденье, раскинув руки. Но футуролог по привычке подавил инстинктивный порыв, позволив себе лишь легкую усмешку.

Островок быстро приближался. Никакой прибрежной полосы – песчаного или каменного пляжа. Сплетенные деревья нависали над водой, цепляясь друг за друга и за каждую пядь земли. До острова осталось метров сто, как вдруг двигатель чихнул и заглох. На панели замигала красная надпись: «Частные владения, доступ закрыт». Футуролог чертыхнулся, скинул кроссовки, связал шнурки и прыгнул в воду.

Уже во время прыжка заметил несколько треугольных плавников, рассекающих воду. Под водой открыл глаза – и едва не выпустил воздух в крике. К нему скользила длинная акула, уже поворачивалась боком, приоткрыв печальную пасть, похожую на сильно увели-

ченный рот карикатурного Пьеро, не торчи в ней сотен угловатых зубов. Толчок в бок, и рыбина пошла на второй заход, а к нему плывут еще и еще... Зависают в толще воды, пошевеливая хвостами...

Грошев посмотрел вниз, недоумевая, где же облака крови и вываливающиеся кишки, ведь только что здоровенная акула его рванула за туловище... Рванула ли вообще?

Интернет исправно работает и у поверхности... информация. Последнее нападение акул зафиксировано... двадцать пять лет назад! Усилиями ученых... Понимание поведения... Туристы развлекаются кормежкой акул, превратив рыб в заядлых попрошайек. Рекомендуются специальный корм для акул «Акулина»... особым спросом пользуются соленые свиные уши... Строго запрещается выдирать у акул зубы второго ряда! Иначе штраф в размере...

С ума сойти! Грошев снова едва не выпустил воздух из легких, на этот раз от смеха. Так, рот до ушей, и вылезал, цепляясь за переплетенные скользкие ветви прибрежных зарослей. Снаружи ощутимо холоднее – солнце не нагрело воздух, а лучи под этот густой полог явно никогда не заглядывали.

Акулы высунули длинные носы, провожали печально изогнутыми пастями. Глаза под водой, потому морды похожи на острые пальцы огромной подводной ладони... Жутковатое зрелище.

Футуролог сразу влез в какую-то невероятно липкую паутину. Раздраженно провел по лицу, превращая ее в нитевидные катышки. И тут из темноты, царящей под густым пологом, с визгом выскочила черная обезьяна размером с крупную собаку. Из оскаленного рта пахло кислятиной. Вперед торчат аж шесть клыков, длинные руки вцепились крючковатыми когтями... если бы не кроссовки, как раз в шею. Футуролог выбросил вперед руки, отшвырнув тварь прочь. С отвращением увидел, что ее тело усыпано красными пауками с грецкий орех, мельком понимая, что это результат какого-то сложного симбиоза. Вода булькнула, акулы тут же радостно задвигались. Предсмертный вой твари взвился вверх, по воде пошли разводы крови. Вскинулась крупная акуля голова с длинной лапой в пасти. Пара неуклюжих, но мощных укусов, сопровождаемых хрустом, словно о колено ломали твердую ветку, – и конечность исчезла за острыми зубами. Побежавшие было по воде пауки один за другим со всплесками уходили под воду, на их месте лишь на мгновение появлялись грустящие пасти акул. Мороз по коже... Грошев только сейчас ощутил, с какими страшными существами бок о бок плыл.

Пахло прелой листвой, осклизлые прибрежные заросли скоро закончились. Потянулись черные деревья подлеска. Невероятно корявые, словно их намеренно калечили какие-то биологические компрачикусы. Плотные глянцевого цвета листья растут прямо из древесины, надежно скрывая, где начинается ствол и заканчиваются ветви. Но вот под босыми пятками перестал пружинить и брызгать холодной влагой мох – Грошев вышел на плотно утопанную тропу, краем внимания отметив оборванные лианы и поломанные ветки.

Разум, занятый более важной задачей – как остановить экспериментаторов, все больше склонялся к неутешительному решению – ворваться и сокрушить все, что сможет. Деревья впереди редели, но вместе с тем нарастал неясный шум. Навигатор показывал, что идти, к сожалению, нужно в том направлении.

Еще сотня метров – и стволы окончательно расступились, мощно пахло специями, словно из открытого пакетика с приправами. На огромной поляне топтались два огромных существа. Топтались, видимо, уже давно – под лапами множество раздавленных и поломанных трав, грибов и каких-то кустиков, издающих сильнейшие дурманящие запахи.

Похожая на коричневого тигра с длинной крокодильей пастью тварь щелкала длинными челюстями возле тумбообразных ног второго существа. Похожее на зеленого носорога с колючками, беспорядочно торчащими из толстой шкуры, оно топталось на месте и время

от времени пыталось пырнуть врага тремя длинными рогами, торчащими из лба. Тигрокрокодилу не везло, из носа у него торчали обломки игл, он то и дело припадал к земле и с жалобным ревом тер морду лапами, но многогогий носорог сразу бросался в атаку, воинственно задрал длинный тяжелый хвост.

Все это взгляд ухватил за десяток секунд, тигрокрокодил развернулся и бросился мимо Грошева, прыгнул на дерево, и листва мигом его спрятала. Разозленный многогор, свирепо раздувая ноздри, ударился рогами в ствол, хвост мощно мотнулся в сторону и, как тяжелый кнут, сшиб ученого с ног. Казалось, пол-леса встряхнуло, сверху посыпались сухие ветки и какие-то орехи, испуганно закричали невидимые птицы.

У футуролога потемнело в глазах – удар словно гирей по ребрам и хруст костей сказали, что дело худо. Но терять сознание нельзя! Он привстал, пачкая ладони в раздавленных травах, встряхнулся, и сознание не посмело оставить его. Дышать нечем – удар выбил воздух из легких. Пытаясь всосать хоть немного воздуха, он лежал на боку, прижав руки к животу. Зеленое чудовище попятилось, мощно двинуло толстой шеей, выдергивая увязшие рога. Приподнялось, передние лапы уперлись в наклонный ствол, и вслед врагу раздался трубный рев.

Грошев стиснул зубы, выудил боевой стимулятор и с трудом вколол в бицепс. Волна жара встряхнула тело, вскрывая внутренние резервы. Легкие расправились, боль отступила, и ребра лишь щелчками напоминали о повреждении. Очень вовремя – разъяренный зверь, не утоливший жажду мести, уже наклонил угловатую башку и рванулся к нему. Грошев вскочил, помчался прочь. Мысли пошли короткие, но предельно четкие:

«Победить нельзя. Нет времени. Бежать к лаборатории. Зверь отстанет. Не выдержит темпа».

Впереди возвышается забор из множества рядов колючей проволоки, верхняя часть отогнута наружу, словно какой-то зверь может сделать четырехметровый прыжок, перебраться на ту сторону. Проволока под напряжением, угрожающее гудение тока предупреждает об этом издали, к тому же через столб висят красные треугольники с черепом и молнией. Понизу тянется страшная спираль Бруно, на ней висят дохлые змеи, а рядом валяются обугленные вороны.

Дыхание с хрипами вырывается из поврежденных легких. Грошев властно отстранил мысли о расплате за этот рывок, отстранил и мысли о сопящем и ревушем носороге, несущемся следом. Тот отстал на сотню метров, но, похоже, разъярился только сильнее, мчался неуклюжим галопом, роняя клочья пены, а красные глазки горели с интенсивностью рубинового лазера, еще чуть – и прожгут насквозь.

«Забор. Бетонные столбы. Сетка под напряжением. Не вцепиться. Не перелезть».

Решение вспыхнуло, словно озарение после многочасовой работы:

«Не двигаться. Замереть. Пусть носорог проложит путь».

Тело, накачанное химикатами, противилось остановке, но железная воля человека сильнее химии. Реакции ускорились, футуролог видел, словно в покадровой съемке, стремительно надвигающееся животное. Три, две, одна.

– Тор-ро! – молниеносный прыжок метнул человека в сторону. Огромная туша влетела в проволоку. Страшный рев сотряс окрестности, колючка задымилась на коже, нити проволоки лопались, как перетянутые струны гитары, вывернулись два бетонных столба. Носорог пробежал на подгибающихся лапах еще метров десять, рухнул, и столбы упали рядом, накрыв проволокой тушу, словно сеть крупную рыбу. В воздухе повис чад горелой плоти, порванные концы с треском искрились. Грошев аккуратно перепрыгнул через впившуюся в лапы зверя колючую спираль и помчался к зданиям. Таймер показывал – в запасе еще 35 минут.

В жилах плещется мощь, ветер засвистел в ушах, дома рванулись навстречу. Грошев чувствовал, что способен с разбегу сбить любое здание впереди, словно картонную коробку. И только холодный рассудок твердил, что эйфория не совсем соответствует действительности. Тот же рассудок выборочно выхватывал нужное, заставляя глаза бегло сканировать окрестности, отмечая отсутствие охраны, пустые собачьи будки, зашторенные окна, опущенный шлагбаум. Вот выхватили узкую дверь черного хода. Скорее всего, эксперимент идет в подвальных этажах, значит, пожарную лестницу оставим без внимания.

Грошев заставил себя остановиться и дернул ручку двери. И был вознагражден – та свободно открылась, оставалось быстро и бесшумно скользнуть внутрь. Замер, мышцы расширяет мощь, заставляет крушить и ломать. Но как укротитель льва щелкает бичом, разум останавливает, говоря, что ломать перила и крушить шкафы бессмысленно. Разум гнал льва вправо и вниз, где на грани слышимости доносились шорохи и постукивания.

Сокрушить аппаратуру! Обесточить! Тише.

Он крадучись скользил вниз, едва касаясь носками кроссовок ступенек. Быстро считывал стандартные условные обозначения и надписи на дверях. Благословенная аккуратность ученых во всем, что касается рациональности, вела его, как верховое чутье волка. Он мчался, почти интуитивно понимая логику расположения помещений.

Звуки приближались. Удивительное безлюдье, словно все уже вымерли, или... Дверь с источником звуков закрыта, Грошев мощным ударом плеча внес ее в помещение и на мгновение замер. Внутри царила жара, вдоль стен огромные вентиляторы вовсю лопочут лопастями, подавая прохладу на массивные металлические коробки, к каждой из которых тянутся толстые провода. Серверы, тысячи серверов... Он ошарашенно огляделся. У стены изогнулся овальный столик с тонким монитором, вращающееся кресло, настольная лампа... И над столиком висит карта юга Австралии. Взгляд выхватил Мельбурн, залив, островок с лабораториями ASI-09 Electronic Devices. И... рядом еще! ASI-10 «Electronic Devices».

Но почему о втором нет информации в инете?!

Боль в боку нарастала, но мысли еще быстры и четки. Секретный остров. Фирма занимается цифровыми технологиями – специалисты сумели стереть данные.

3D-очки скопировали карту, и последующие мысли пронеслись уже на бегу:

«Осталось 28 минут. До ASI-10 четыре километра. Направление... скорость ветра... автовозврат скутера срабатывает через час... вперед!» Точка, где он пристанет к берегу... Успеть! Успеть! Боль в боку нарастала, пронеслась запоздалая досада, что не взял других стимуляторов и обезболивающих. И тут же согласился, что сделал правильно: возник бы соблазн использовать раньше, и на последнем рынке просто сдало бы сердце.

За поворотом большая раздевалка, дальше на улицу... и вдруг увидел людей. Целая толпа преградила выход, где и прятались-то! Мощный рывок – стимулятор хоть и прекращает действие, но еще работает, и ладонь оторвала кусок дверного косяка. Длинный острый кусок дерева нацелился вперед, как копье последнего спартанца перед войском персов.

Однако люди улыбались, раздались редкие хлопки и вдруг переросли в бурную овацию. Вперед, раздвигая всех плечом, выступил голографический знакомец – Джон Скрынски, характерным жестом стряхнул невидимую пушинку с рукава.

– Уважаемый, повремените пожалуйста уничтожать нас этим примитивным орудием.

– Нет лучшего – сокрушу чем есть! – процедил футуролог, сжав острую палку так, что побелели суставы.

Люди побледнели, отшатнулись, Джон выставил ладони перед собой, поспешно воскликнул:

– Вы бежали, чтобы остановить нас? Но останавливать некого! Нет никаких НЭМСов, понимаете?

– Вы лжете. Второй остров...

– Был нанесен на карту только для проверки вашей реакции! И нужно сказать, вы прошли тест с огромными бонусными баллами! Они могли бы быть еще выше, но, опасаясь за ваше здоровье, мы прекратили проверку.

– Что за проверка?

– Мы работаем над созданием искусственного интеллекта, и у нас достаточно специалистов, способных немного изменить в Интернете сведения о нашей корпорации. Масса косвенных намеков, что мы взялись за разработку нанитов, но намеки понятны лишь получившим прямую информацию.

– Вы не ответили на вопрос!

– Мы создали искусственный интеллект.

– Создали ИИ?! Так это же опасно не меньше! – воскликнул Грошев, схватил Джона за плечи, но закашлялся, пошатнулся, едва не упав. Действие стимулятора почти закончилось – он выпил все силы до донышка.

– Успокойтесь, – отстранился Скрынски, – никто не тешится надеждой, что ИИ, созданный человеком, будет добрым и послушным помощником. Мы разработали интерфейс, который позволяет перенести человеческую личность в машину. Футурологи – предсказатели будущего, оракулы, способные видеть то, что миллионы увидят лишь завтра. Это люди, что стараются предупредить о кочках и ямах на пути нашей несовершенной, кособокой, но родной человеческой цивилизации. Именно поэтому мы сообщили о фиктивных нанитах десяти лучшим футурологам планеты. Но добрались только вы.

Будучи в машине, вы сможете не только предвидеть, но и обретете небывалые возможности решать проблемы человечества. А порукой этому и стал сжигающий себя порыв спасти!

– Мне... Я должен подумать...

– Конечно, – сказал Джон, поднимаясь. – Сейчас вам окажут медицинскую помощь. Ох уж эти устаревшие инъекции метастабильности... сделали... теперь расхлебывать...

Грошев прикрыл глаза и улыбнулся, слова доносились глухо, взведенная пружина раскрутилась. Не важна стала боль, ясно, что теперь подлатают и вылечат. Главное – все существо наполнило благодатное знание:

«Успел!»

Александр Сигида, Михаил Уткин. Серая топь

Лаборант Лавров ворвался в кабинет, как порыв ветра. Грудь судорожно вздымается – хрипит, лицо красное, всклокоченные волосы дыбом. Взгляд, полный безумного страха, впился в седовласую фигуру за столиком, заставленным аппаратурой.

Профессор Коваль удивленно шевельнул посеребрёнными кустистыми бровями – влетевший молодой человек тяжело привалился к косяку и, с трудом переводя дыхание, выдавил:

– Профессор... там... серая топь.

На Ковалья пахнуло могильным холодом, сердце застыло.

– Как серая топь? – вымолвил он, медленно вставая. – Это невозможно.

– В третьем блоке... Быстрее.

Не раздумывая, профессор сорвался с места, в немолодом теле откуда-то взялась резвость двадцатилетнего.

– Рассказывай! – рявкнул он, не оборачиваясь.

Едва поспевая, лаборант лепетал:

– Мы с профессором Звягой... дверь в блок открыли... и видим... Уже полшкафа сожрала... растет на глазах. Профессор сразу к вам послал... Сам остался.

У Ковалья будто лед по жилам пустили: если там Звяга, то это действительно серая топь – не бредни аспиранта, раздосадованного низкой должностью в «РоснаноТех». Уж Звяга зря шум не поднимет.

Коридоры и лестницы пронеслись в мгновение ока, белая дверь с грохотом распахнулась, открывая мрачный темный коридор, – бронзовая табличка с надписью «Блок № 3» отлетела, зазвенев на кафельном полу, как крышка кастрюли.

– В пятнадцатом? – бросил Коваль.

– Да, Игорь Михайлович.

Громкий топот распугал тишину, автоматика, спохватившись, включала светодиодные панели, но постоянно запаздывала, и две фигуры в развевающихся белых халатах неслись в темноту. Вдруг страшный вопль разорвал воздух. Полный боли и ужаса, он заставил бегущих сделать рывок. Дверь слетела с петель вместе с хлипкой защелкой. Коваль ввалился в кабинет, глаза расширились, кровь отхлынула от лица. Звяга извивался на полу, жутко вопя, тряс и бил правой рукой по полу. Белый комок облепил кисть, прямо на глазах вползал выше, комочки разлетались в стороны. Обезумевший от боли человек пытался судорожно вытереть массу о черные пластиковые плиты, но тщетно. Въевшиеся репликаторы равнодушно вгрызались в плоть, перерабатывая в новые объемы себя.

В отсеке уже весь угол залит шевелящейся белой массой, похожей на жидкое тесто.

– Какого черта ты полез? – ахнул Коваль и, чуть не снеся с ног лаборанта, бросился из кабинета.

– Осторожно... капли... брызги!.. – выкрикнул Звяга, лицо покрыла мертвенная бледность, глаза закатились, голова глухо стукнула о пол. Белая субстанция подтекла под край шкафа – он начал медленно крениться, пластик пола запузырился, словно поднесли пылающую паяльную лампу.

– П... п... профессор, – выдавил Лавров в отчаянии, следя, как субстанция неторопливо переползает на предплечье Звяги.

Коваль вбежал, сжимая красную рукоять пожарного топора. Короткий свист оборвался чавкающим звуком, брызнуло алым, обрубок кисти, пузырящийся, как сахарная вата, нырнул в общую массу. Коваль обхватил пострадавшего, поволок из комнаты. Тут же, скрип-

нув, согнулся шкаф, словно ладонь великана попыталась ухватить шустрых профессоров. С верхних полок посыпались блоки микросхем.

– Не стой столбом! – гаркнул профессор. Рванул пояс халата и туго перетянул культию Звяги. – Вызывай тревожную группу! Работай по инструкции! Включайся!

Лавров нервно закивал, в остекленевшие глаза вернулась мысль, и пулей унесся по коридору.

Коваль тщательно осмотрел ботинки и пол в лаборатории. Кивнул, отметив несколько пузырящихся очагов на полу, мебели и «поплывшее» лезвие топора. Звяга прислонился к стене, тихо постанывал сквозь стиснутые зубы, прижав к груди, баюкал кровоточащий обрубок. Профессор подхватил увесистое тело на плечо и, слегка пошатываясь, зашагал к выходу.

На восьмом этаже пятого корпуса НИИ нанотехнологии в большой светлой комнате несколько человек сгрудились вокруг длинного стола. В углу на низком диванчике мечется и скрипит зубами несчастный Звяга. Воздух пропитан напряжением и отчаянием, того и гляди заискрится вспышками молний. Огромное, во всю стену, окно открывает пугливым взглядам зрелище катастрофы. На фоне серого бетона, аккуратно расчерченного разделительными линиями, медленно оплывает с одного края широкое приземистое здание. Оно выглядит словно торт, на который вылили кружку азотной кислоты. Сквозь прорехи в циклопических стенах белеет тестообразная масса, облепившая все поверхности. Вот она, словно вязкий белый клей, перевалила через край самого большого провала. Поползла по стене огромной каплей, обманчиво неспешно, оставляя глубокую борозду. Растеклась блином внизу, окутавшись сиреневыми дымками.

– Рассказывай, что произошло, – потребовал Коваль. Аспирант-лаборант втянул голову в плечи. – Рассказывай все, что знаешь. Любые мелочи, догадки!

Академик Кизильцев ахнул, отвернулся от окна:

– Игорь Михайлович, мы впустую тратим время! Нужно срочно уходить и срочно активировать периметр нейтрализации, а не обсуждать, как возникла топь! Дорога каждая секунда, мы даем этому объекту разрастаться, захватывать все больше пространства. Через пару часов от первого корпуса ничего не останется, к вечеру вся территория НИИ станет сплошной белой массой, а к утру она дотянется до города, если мы неотреагируем сейчас же! Наноботы размножаются в геометрической прогрессии, с каждой единицей времени перерабатывают все большие объемы материи!

– Полное уничтожение – крайний метод! – почти выкрикнул Коваль. – У нас есть время попробовать лечение! К тому же прогрессия топи не может быть геометрической, наниты могут размножаться лишь на поверхности, где соприкасаются с исходным материалом!

– К тому же часть сырья они вынуждены расщеплять на энергию, – пробормотал Лавров.

Кизильцев недобро покосился на лаборанта, тот умолк, залился краской и потупил взгляд.

– Мы должны быть уверены, что это серая топь, а не черная, – продолжил Коваль, – уверены, что наноботы размножаются неконтролируемо, а не по чьей-то команде. Не стоит сбрасывать со счетов диверсию. Многие желали бы нам неудачи, ведь нанотехнологии способны обрушить многих монстров старого бизнеса. А у них более чем достаточно возможностей попробовать осуществить такой теракт. В этом случае мы упрямся в чужую волю, и бороться надо будет иначе.

Коваль взглянул на сидящего за Лавровым человека лет сорока, гладко выбритого, в дорогом строгом костюме при галстук:

– Виктор Иванович, вы связались с президентом и силовыми ведомствами?

Представитель государственных структур кивнул.

– Да, президент в курсе, – произнес ровный тихий голос. – ФСБ проверяет возможность диверсии. Периметр нейтрализации активируем по инструкции.

– Но диверсия невозможна, – возразил Кизильцев, – наше НИИ контролируется, как никакое другое! Каждый квадратный метр и каждый человек под наблюдением! Вся информация обрабатывается мощнейшей «Сторожевой» системой ИИ. Замкнутой системой, не включенной в Интернет!

За окном загрохотало. Крыша поврежденного корпуса обрушилась, словно по картонной коробке ударили кувалдой. Коваль нахмурился, тяжело обронил:

– В современном мире ничего нельзя считать невозможным. Как руководитель проекта «РоснаноТех», я настаиваю, что причину возникновения топи нужно понять в первую очередь! Спустить и применить мезонные генераторы мы всегда успеем, благо глубокие ограничительные скважины пробурены еще до закладки фундамента первого корпуса. Мы должны отследить причину, чтобы впредь не допускать подобных казусов.

Все опустили глаза под тяжелым взглядом главы «РоснаноТеха» – спорить с Ковалем никто не решился. Вдруг застонал, страшно забился, скатываясь с кушетки, Звяга.

– Доктор Цветаев, сделайте двойное обезболивающее. Ну и что там положено. Вы биолог – лучше нас, технарей, знаете, что делать.

– Его нужно срочно в больницу...

– Никаких больниц до выяснения степени нашей опасности для человечества! – отрезал Коваль.

Безопасник понимающе кивнул, ухватил брыкающегося в горячечном бреду калеку, осторожно уложил на кушетку. Под его строгим взглядом Цветаев быстро сделал укол, бормоча и кривясь, начал накладывать дополнительные витки бинта.

– Рассказывай, – снова потребовал Коваль, строго взглянув на аспиранта.

– Сегодня, как обычно, пришли в третий блок, собирались поэкспериментировать с запечатанными минилабораториями, открыли дверь, а там это...

– А вчера, вчера что было?

– Вчера, как обычно, провели эксперимент в мини-лаборатории, проверяли данные по мутированию наномашин в различных условиях. По обычной схеме после окончания эксперимента взяли несколько экземпляров нанитов «на развод». Одна из трех капсул треснула, но ее сразу же утилизировали. Вечером «прожарили» целые капсулы и закрыли кабинет, все было в порядке.

Кустистые, выбеленные годами брови сошлись у переносицы.

– Слишком часто мини-лаборатории начали трескаться... непонятно. Похоже, для вас это стало обычным делом! Да это же чрезвычайные происшествия, каждое из которых должна рассматривать целая комиссия! Почему отчет не предоставили?

Лаборант съежился под взглядом профессора:

– Юрий Михайлович сегодня собирался...

– Собирался. Я ему устрою «собирался», ампутированная рука комариным укусом покажется!

Коваль задумался, ладонь машинально выудила из кармана халата продолговатый черный предмет. Кончик большого пальца погладил гладкую поверхность материала, похожего на пластик, прошелся по шву отсека для капсулы, задержался на отверстии разъема для подключения внешней аппаратуры. Запечатанная ассемблерная лаборатория с трехслойной капсулой. Под оболочкой из уплотненного алмаза ждут сотни тысяч наномашин и необходимых для опытов элементов. Все это мирно устроилось в ладони, ожидая, когда к ней подключат периферийные устройства.

– Да, мини-лаборатории помогли догнать Штаты в нанотехнологиях, – сказал Коваль, – благодаря им опыты стали безопасными, система всегда ликвидировала капсулу с опытными

образцами. Что-то мы не учли. – Профессор взглянул на Лаврова: – Что показали исследования мутаций?

– Критические условия среды вызывают сбои в программе размножения. И при самокопировании у них появляются свойства, отличные от материнских. Все как в живой природе – полезные признаки накапливаются, вредные уничтожаются.

Цветаев удивленно покачал головой:

– Сказали бы мне лет десять назад, что появятся механизмы, развивающиеся по законам эволюции, ни за что бы не поверил.

– Эволюционирует не только живое, – задумчиво проговорил Кизильцев, – эволюционируют любые организованные структуры, в том числе общества и даже идеи. Идеи борются за умы людей, как родственные виды животных за ареал обитания.

– Сейчас это неважно, – заметил Коваль, – но стало ясно, откуда взялась топь.

Четыре пары глаз впились в морщинистое лицо.

– Каким-то образом части наномашин удалось остаться целыми при взрыве в капсуле. Они приспособились к высоким температурам и, оказавшись в открытом пространстве, сразу принялись выполнять основную программу размножения.

– Это невероятно! – воскликнул физик. – При ликвидации капсулы пламя в ней хоть крошечное и вспыхивает на долю мгновенья, но температуры возникают порядка солнечных, даже вон оболочку капсулы иногда разрывает. Ни один материал не выдержит, особенно в центре, где первичная секция с ассемблерами.

– Я знаю, – сказал Коваль, – сам разрабатывал проект ассемблерной лаборатории. Наноботам, уцелевшим при ликвидации капсулы, нужно было синтезировать для тел доселе невиданный по прочности материал. Вдвойне удивительно, что это получилось эволюционным путем, без стороннего контроля. Но сейчас именно эта версия кажется мне самой вероятной. Есть ли другие варианты?

В комнате воцарилась тишина.

– Есть предложения по остановке репликации?

Кизильцев двинул плечами:

– Активная защита пока недоработана, мы не предполагали, что она понадобится до широкого применения наномашин. Остается гасить топь только мезонными излучателями, как и предусмотрено по проекту, Игорь Михайлович.

Коваль поморщился:

– Да, жаль, сил не хватило на проработку активной защиты...

Кизильцев задумчиво щипнул подбородок:

– Да, но с этим тоже нельзя было торопиться. Это же создание глобальной иммунной системы всей планеты! Мириады наноботов, блуждающих по поверхности Земли в поисках опасных репликаторов. Могучие, но с ограниченной способностью размножаться. Но вот последние события с эволюцией нанитов ставят под вопрос, да-с... Но сейчас бы они, конечно, не помешали.

Коваль поднялся из кресла, бросил взгляд за окно – на месте первого корпуса кипит и шевелится круглое озерцо. Угловатые обломки стен плавно тонут, словно куски масла в горячей каше.

– В крайнем случае периметр превратит их в излучение. Виктор Иванович, у вас по плану?

– Да. Я держу связь. Уже половина генераторов спущена в скважины и протестирована. Магнитный периметр для направления потока энергии в космос устанавливается. Неспешная эвакуация окрестных жителей начата. ОМОН и милиция ориентированы на патрулирование.

– Дополните инструкции для людей. По включению сирены чтобы все смотрели в землю. Иначе включенный через десять минут поток энергии, в которую превратится все внутри периметра, может повредить сетчатку глаз. И еще, постарайтесь пускать «фонарик» энергии вверх широким раструбом, для максимального рассеивания. Нам даже на минуту не нужен на поверхности планеты космос, просочившийся в дыру атмосферы. И данные в СМИ о проведении широкомасштабного эксперимента. Срочно! А я пока гляну записи Звяги, может, что интересное найду об этой мутации. Лавров, за мной. Остальные, займитесь вывозом оборудования.

Седовласый профессор твердым шагом направился к двери. За ним выскочил лаборант, волей случая оказавшийся почти на равных с маститыми академиками. На пороге Коваль обернулся:

– Да, Виктор, свяжитесь еще раз с президентом, скажите, что серьезной опасности нет. И всем, всем срочно отойти в дальний, девятый корпус!

Виктор Иванович тихонько толкнул дверь. В полумраке голографический монитор кажется особенно ярким. Сочные разноцветные отсветы прыгают по изрезанному морщинами лицу Ковалья. В трехмерной проекции четко узнается модель ассемблера – приплюснутое шестиугольное тело, ошестинившееся множеством манипуляторов. На нем быстро сменяются выросты, меняются конфигурации, повинувшись порхающим пальцам профессора. В уголке прыгает колонка цифр и формул, перечеркиваемая замысловатыми графиками. Тоненько – ускоренно – лопочут аудиозаписи экспериментов. Вот профессор жестом ладони зафиксировал один из вариантов трехмерной фигуры и немного развернул. Следующим движением подсветил часть поверхности нанобота, которая тут же исчезла, открывая взору внутренние механизмы.

Виктор кашлянул, заставив профессора вздрогнуть. Он обернулся, глянул с непонятным испугом, тут же скрывшимся за панцирем решимости.

Представитель холодно обронил:

– Извините, Игорь Михайлович... я говорил с президентом...

Ковалев нахмурился:

– Рвет и мечет?

– Да. Скрывать ситуацию от партнеров опасно, да и не получится. Уверен, к вечеру здесь будет толпа иностранных журналистов. Президент опасается, да что там опасается – уверен, что конкуренты воспользуются ситуацией, чтобы подмять под себя нашу наноиндустрию, а там и государство в целом.

– В сущности, в обществе ничего не изменится, – заметил Коваль, поворачиваясь к голограмме, – главное сейчас справиться с угрозой и разобраться в причинах, а политика меня не интересует.

– Я думал, вы патриот. Президент рассчитывает на ваши научные изыскания как на панацею в области национальных интересов.

– Я патриот человечества. Передайте президенту, что время национальных интересов ушло, на карте интересы человечества.

– Передам ваши громкие слова, если угодно. Но не забывайте, это такое ЧП, что, скорее всего, придется передать все наработки партнерам. Японцы давно рекламируют орбитальные блоковые лаборатории...

– Да... они не считаются с затратами. Но мы еще поборемся. Как там эвакуация города?

– Начнется через полчаса.

– Хорошо, вероятность серьезных подвижек земной коры невелика, но подстраховаться нужно, – вздохнул профессор, переводя взгляд на голограмму раскрытого ассемблера. – Я разобрался в исследованиях Звяги... Как он там? Оправился от шока? Понимает,

почему нельзя пока покидать периметр нам троим – бывшим в непосредственной близости от топи?

Виктор кивнул:

– Да, все понимает. Импровизированный карантин. Он под обезболиванием может нормально говорить. Сказал, что, видимо, после «прожарки» осталось несколько выживших нанитов. Они потихоньку переработали атомарную пыль в объемную структуру, заставив капсулу лопнуть. Наниты разбрызгало по боксу, и он случайно коснулся незаметной капли.

– Ясно, значит, изначально активировались неравномерно. Попали на разный материал и размножались по-разному. Нужен дополнительный контроль очистки, и капсулы надо хранить в герметичном сейфе... хотя это уже не важно, – сказал Коваль, выуживая из кармана халата черную коробочку ассемблерной лаборатории, – я хочу вас кое о чем попросить.

Разъем мини-лаборатории, щелкнув, состыковался с разъемом прибора на столе, голограмма нанобота мигнула и исчезла, сменившись желтовато-прозрачной плоскостью таблицы. Голограмма снова мигнула, выведя неторопливо заполняющуюся трехмерную полосу процесса.

– Виктор, я разобрался в мутации. Как представителю правительства... Прикройте дверь, не хочу, чтобы слышали лишнее...

Над территорией НИИ сгрудились серые тучи. Пять из девяти центральных зданий превратились в оплывшие холмики посреди плоской неровной блямбы. Корпуса поодаль стоят недвижно и обреченно, в ожидании всепожирающих нанитов, как сухие секвойи – ближайшего урагана.

Шевелящаяся масса пучится, бурлит и расплзается, как слой лавы. Медленно, но верно она подминает бетон площади и асфальтовые тротуары с рядами овальных клумб, один за другим плотает огромные горшки с экзотическими молодыми деревцами – гордостью Цветаева.

Потоки воздуха уверенно тянутся пыльными шлейфами к белой поверхности. Край ее то и дело радостно вспенивается, словно заглатывая особо питательный ветерок.

Из ворот выехала последняя машина с оборудованием, что сотрудники успели вынести из корпусов. Следом на шоссе вырулил автобус с персоналом НИИ. Трое ученых, аспирант и представитель президента проводили взглядами цепочку машин. Коваль с шумом втянул воздух, медленно выдохнул, закрыв глаза.

Лавров смотрел на него с сочувствием, профессор за последние несколько часов будто состарился на десяток лет. Сеть морщинок вокруг глаз углубилась, дополнилась новыми, пара новых борозд пролегла меж выцветших бровей. Вместе с тем глаза горели каким-то страстным, лихорадочным огнем.

– Виктор, и все-таки я настаиваю, – проговорил Коваль, впившись взглядом в лицо чиновника, – повремените с мезонными генераторами. Я должен провести этот эксперимент.

– Нет, – отрезал ровный, без эмоций, голос, – промедление чревато, топь разрастается все быстрее.

Физик, биолог и лаборант непонимающе переводили взгляды с Коваля на Виктора.

Кизильцев заинтересовался:

– А что за эксперимент? Неужели вы нашли варианты действий?

Коваль искоса взглянул на коллегу:

– Да, выдалась уникальная возможность поставить небывалый эксперимент. Я попробую перепрограммировать бесконтрольную наномассу.

– До экспериментов ли сейчас?! – возмутился Цветаев. – Нужно быстрее остановить топь!

– У президента то же мнение, – добавил Виктор Иванович непреклонно. – Зачем дополнительные разрушения, лишнее внимание прессы?

– Все равно весь объем материи внутри периметра превратится в излучение! К тому же топь расширяется не в прогрессии, а пропорционально увеличению площади поверхности сферы! Намного медленнее! Поменьше паники, господа, а то ведете себя как истеричные журналисты. Это не займет много времени, у меня все готово. – Коваль выудил из кармана халата коробочку мини-лаборатории. – Я обработал данные Звяги и провел целенаправленную мутацию в этой капсуле. Нужно всего лишь распространить ее содержимое над участком топи, и эти наноботы заразят топь вирусом.

Кизильцев с вызовом спросил:

– И что потом? Каких результатов вы ждете?

Коваль отвел взгляд.

– Сложно сказать... топь отступит или просто остановит размножение. Возможно, мы получим интерфейс для управления наномассой.

– Что за интерфейс? Каков принцип работы?

– Вот чтобы понять, мне и нужен эксперимент.

– А как вы намерены извлечь запрограммированные ассемблеры из капсулы?

– Топь эволюционирует, учится потреблять новые и новые материалы. Капсулы мини-лаборатории же усвоены одними из первых. Так что проблемы с ее растворением не возникнет. Что скажете, Виктор?

Всегда суровый и непреклонный профессор Коваль просяще взглянул в лицо представителя президента. При ЧП такого масштаба последнее слово за властями.

– Хорошо, у вас есть немного времени, потом мы улетаем, и генераторы включаются. Иначе придется удалять слишком большой объем грунта, ведь топь распространяется не только в стороны, но и вглубь. Это чревато локальными землетрясениями, подвижками пластов. Пока каждые пять минут электроразведка отслеживает глубину погружения «Объекта-Т». Соответственно, мезонные генераторы спускаются ниже в скважины. Если вскоре увидим положительные результаты... то предоставим еще время.

Коваль с силой сжал черную продолговатую коробочку, костяшки пальцев побелели, на виске задержалась жилка. Хмуро смотря на расползающуюся шагах в двухстах впереди белую массу, словно взяв в прицел, профессор твердо зашагал вперед. Лавров дернулся было пойти следом, но тяжелая ладонь представителя правительства легла на плечо, он покачал головой.

Зрители впились взглядами в удаляющуюся фигуру в белом халате.

Подходя к объекту, Коваль ощутил, как на лбу выступают мелкие капельки. Воздух вблизи молочно-белой массы прогрелся, как в песках Сахары: наномашины вырабатывают огромное количество тепла.

В десятке шагов уже почти невозможно дышать. Широкий серовато-белый блин, по краю ровень с бетоном и с аккуратными круглыми холмиками – надгробьями усвоенных зданий. Коваль прицелился и катнул капсулу по бетону, словно шар боулинга. Коробочка, вращаясь и подпрыгивая, остановилась в сантиметрах от тающего края. Минута-вторая, и она слилась с распространяющейся массой. Игорь Михайлович удовлетворенно кивнул. Важно было впустить вирус в активный слой, иначе программа повиснет мертвым грузом в выключенных из размножения зонах топи. Он быстро зашагал обратно – осталось только ждать, смогут ли носители вируса изменить программу такого огромного массива.

Ковалев оперся руками о шлагбаум блокпоста, перекрывшего дорогу. Глаза уже слезятся, напряженно всматриваясь в мутно-белую субстанцию, надвигающуюся с неумолимо-

стью бульдозера. Где стояли здания, раскинулось широкое круглое озеро. С первого взгляда мирное и совсем не страшное зрелище. Но только с первого – репликаторы «грызут» материю во всех направлениях. Наверху ничтожный объем – в основном серая топь распространяется вглубь и в стороны. Внизу уже огромный котлован, что растет с каждой минутой. Потрявоженные земные пласты давят на массу ассемблеров, и край вздувается толстым тором, поднявшимся каймой-бубликом уже в два роста человека. Вал уверенно, словно тяжеленный каток, подминает бетон. И невольно удивляешься, не слыша треска лопающихся плит, не видя глубоких змеящихся трещин... Только сильный ветер, устремляющийся к белой поверхности, с силой треплет одежду и волосы, гонит пыль, мусор, листья с деревьев, что исчезают, едва коснувшись выпуклого края. Бумажки вспыхивают за мгновение до соприкосновения, куски целлофана плавают, корчатся, превращаясь в черные дымки, что миглом втягиваются в пенящийся край.

Цепочки солдат в разномастных камуфляжах охватили место техногенного катаклизма кольцом, оттесняя любопытных, во множестве набежавших с окрестностей. Всех озадачила и обеспокоила внезапная эвакуация. Впрочем, многие – «зевачи по необходимости», по телефонным разговорам понятно, что их отрядили родственники, что не слишком спешат грузить скорбь в предоставленные правительством трейлеры. Предпочитают держать связь с семьями, настороженно сидящими на мешках и баулах. Авось все отменится. В толпе довольно спокойных людей носятся быстрые волосатые ребята с озабоченными лицами. Толкаются, наступают на ноги и молниеносно выставляют объективы камер, снимают искаженные гневом и болью лица. Бодро извиняются, бегут дальше, задают «провокационные» вопросы, назойливо пихая разнообразные микрофоны. Вместе с тем кривятся и старательно избегают неинтересных сцен – бодрую торговлю сосисками и булочками в фургоне коммерсантов, горластых бабок с пирожками и пивом, играющих в карты на одеяле, азартно вскрикивающих мужичков, хмурого студента, шлепающего по клавишам нетбука. Зато надели, как мухи, на ревущего ребенка, уронившего чупа-чупс.

Кто бы сомневался, что с места событий будет жареный репортаж о страданиях ребенка, единственного выжившего жителя целого микрорайона.

Сквозь шум ветра Коваль услышал рокот вертолетных лопастей. Маленький двухместный аппарат завис над топью. За лобовым стеклом, округлым, как глаза стрекозы, блеснул объектив видеокамеры. Тут же сбоку выметнулись два военных вертолета. В открытых боковых дверях у пулеметных турелей застыли фигурки бойцов. Боевые вертолеты оттеснили журналистскую «стрекозу» в сторону, заставили сесть далеко за кольцом солдат, но кадры уже наверняка пошли в Сеть на главные новостные сайты.

Коваль сжал челюсти, на политику плевать, но такие передачи посеют панику среди людей. Понятно, кому это нужно, но все обойдется, вирус должен сработать, эксперимент удастся... а если не удастся, мезонные генераторы превратят топь в поток света. Но должно все сработать! Коваль стиснул кулаки, мысли настойчиво мечутся по кругу. Все должно получиться, другого случая проверить теорию не будет.

– Профессор, нужно уходить, вирус не сработал, это очевидно.

Голос Виктора прервал лихорадочное внимание, с которым Коваль всматривался в накатывающий вал. Он бросил быстрый взгляд на севший в стороне вертолет. Солдаты быстро внесли носилки со Звягой. К машине направились, согнувшись с непривычки под напором ветра от лопастей, Кизильцев и Цветаев. Лаборант, стоя за спиной Виктора, умолял взглядом поскорее улететь из опасного места.

– Идите, я сейчас.

Голос профессора дрогнул.

Представитель президента понимающе кивнул и, ухватив под локоть Лаврова, пошел к винтокрылой машине.

Топь подобралась совсем близко, оцепление отодвинулось за скважины. Зевак почти не осталось, журналистов удалось кое-как отловить и под видом эвакуации запереть в автобусах. На ограничительных скважинах растопырились упорами могучие гусеничные машины – гибриды танка с рефрижератором. Толстые кабели в бедро человека толщиной спускаются к ним прямо от высоковольтной ЛЭП.

Огромные щиты для направления потока излучения похожи на дорожные шумопоглотители с длинными торчащими антеннами. Они плотно обступили территорию, словно македонская фаланга, оцетинившаяся копьями.

Вертолет залопотал винтом мощнее, качнулся на колесах, демонстрируя готовность сей момент прыгнуть в небо.

Но Коваль продолжал стоять, печально глядя на подползающий слой белого вещества. Жар усилился, ветер злобно дергает седую шевелюру и полы халата. Он медленно повернул голову к откинутой бронированной двери с иллюминатором. В полумраке салона бледными пятнами – лица Кизильцева и Цветаева, они чуть посторонились, пропуская чиновника и аспиранта. Лавров обернулся и чуть не рванул назад, к профессору, но мощная ладонь больно сжала плечо, втянула назад.

Вырываясь из хватки Виктора, парень закричал:

– Профессор! Нет! Что вы делаете?!

Люди прильнули к иллюминаторам, неверящим взглядом провожая седовласую фигурку, идущую навстречу белой волне.

Виктор скрипнул зубами:

– Профессор сделал выбор. Жаль, без него будет сложнее осваивать наноиндустрию.

Держа брыкающегося Лаврова, Виктор махнул пилоту. Стальная туша мелко задрезжала, людей слегка вдавило в пол. Когда вертолет поднялся, Лавров перестал отбиваться, лишь печально смотрел вниз, где фигурка профессора шагнула в белую стену и исчезла. По щекам парня пролегли мокрые дорожки, капли сорвало порывом ветра и унесло вниз, где расплзался белый ужас, заставляя отступать цепи людей в камуфляжной форме.

Повернувшись к кабине пилота, Виктор крикнул:

– Давай на базу!

В ладони чиновника появился мобильник, сухо прозвучала команда:

– Приготовиться к подаче напряжения.

– Стойте!

Голос Кизильцева как щелчок хлыста – физик внимательно всматривался вниз.

– Мне это кажется? Что происходит с топью?

Все сгрудилось у открытого люка. Виктор сделал жест пилоту, и тот повернул штурвал, вертолет развернулся и опустился ниже.

Молочно-белая масса остановилась, еще минуту назад пенящийся край сжирал пядь за пядью. И вдруг пенистой каймы не стало. Края гигантского белого пятна зашевелились и слегка вздыбились, поверхность пошла волнами.

– Неужели вирус сработал? – потрясенно выдавил Цветаев.

Лавров всхлипнул:

– Игорь Михайлович... он поспешил...

Вертолет опустился еще ниже, завис между кольцом военных и серой топью.

Люди неверяще смотрели, как субстанция по всему краю слегка подалась назад, оголив глубокую борозду и обгрызенный край асфальта, затем, «подумав», вернулась и откатилась снова, но оставив под собой уже ровную бетонную поверхность. Серая топь принялась стягивать края, будто насытившись жертвой, решила, что люди откупились достаточной ценой. Наномашины возвращали уничтоженное назад, восстанавливали поверхность земли с точ-

ностью до камушка, возводили стены зданий с точностью до трещинок. Отступая назад, белая масса все восстанавливала.

– Феноменально, – ошарашенно протянул Кизильцев, – вирус взял топь под контроль. Коваль был прав, надеюсь, он не унес с собой все данные, иначе нам не понять, как управлять подобным массивом.

– Так им можно все-таки управлять? – так же потрясенно спросил Виктор.

Кизильцев лишь пожал плечами.

Шасси вертолета коснулись асфальта, четверо людей, пригибаясь, отбежали и, держась на почтительном расстоянии от края топи, двинулись следом.

Цветаев с тревогой проговорил:

– Может, стоит подождать в вертолете? Вдруг это ловушка?

– В смысле? – спросил, не оборачиваясь, Виктор, идущий впереди с Кизильцевым.

– Ну, может быть, этой штуке понравилась человеческая плоть. Может, она сообразила, что можно подманить нас, а затем накатиться?

– Чушь, – бросил Кизильцев.

– Я уже ни в чем не уверен, мои биологические познания пасуют, – пробормотал испуганный биолог, стараясь сдерживать трусливый позыв щупать бетон ногой, словно нащупывая тропку в трясине.

Топь стягивалась к НИИ, репликаторы разбирали друг друга на части, высвобождая атомы и, похоже, ставя каждую молекулу на место.

– А вы заметили, ветер теперь дует на нас, – проговорил Лавров.

– Заметили, похоже, и воздух возвращает. И еще, разборка идет значительно быстрее сборки, – заметил Виктор.

– Ну, ломать не строить... В смысле, ассемблеры все-таки значительно более сложные создания. И превратить их в бетон и глину намного проще.

Потрясенные люди смотрели, как субстанция вздыбилась, встала сплошной стеной, еще немного – и в стене проявились огромные окна третьего корпуса. Группа вошла в ворота, бетон, словно и не был только что страшной всепожирающей массой, бодро застучал под каблуками.

Цветаев медленно подошел к клумбе, как зачарованный потрогал веточку саженца, присев, провел ладонью по верхушкам травинок.

– Настоящее, невероятно!

Изумление в глазах сменилось какой-то детской радостью, будто биолог впервые в жизни потрогал живое растение.

Глаза Цветаева чуть не выскочили из орбит, когда меж травинок он увидел цепочку муравьев, деловито перебирающих лапками в сторону маленькой рыхлой кучки.

Не обращая внимания на погрузившегося в исследования биолога, остальные направились к оформляющемуся приземистому зданию первого корпуса. Пока группа огибала второй корпус, остальные здания закончили обратное превращение. Вся территория НИИ раскинулась в былом величии, будто и не было нашествия нанорепликаторов.

Лавров всхлипнул:

– Игорь Михайлович... он... ушел. И никогда не узнает, что топь отступила.

Виктор сочувственно похлопал его по плечу:

– Он дал нам, участникам проекта «Роснанотех», фору для нового рывка в ассемблерной технологии.

Лавров хмуро кивнул. Кизильцев вдруг указал в сторону первого корпуса:

– Смотрите, еще не все.

В голосе прозвучали нотки страха.

На ступенях, под нависающим козырьком здания, в котором все началось, взбугрилось бесформенное образование. Шевелящиеся, как ложноножки амебы, края сплелись и, затейливо переплетаясь, потянулись вверх.

Люди настороженно замерли, ожидая, что выкинет сгусток наноассемблеров. Субстанция вытянулась столбом и, как под пальцами скульптора, принялась складываться в человеческую фигуру. Виктор, Кизильцев и Лавров открыли рты, наблюдая появление знакомого лица. Спустя минуту из-под кустистых седых бровей глянули острые знакомые глаза Ковалю. Профессор приложил ладони к лицу, с силой потер, улыбнулся. Застегнул распахнутый халат, вытянул руки вверх и с наслаждением потянулся, захрустев позвонками.

– Профессор!

Радостный Лавров бросился к седовласому человеку, чуть не сбив с ног, крепко обнял. Коваль ошарашенно улыбнулся, освободился из объятий расчувствовавшегося лаборанта.

Парень сияющими глазами уставился в лицо профессору:

– Игорь Михайлович, топь ушла сама! Представляете?

Ковалев усмехнулся:

– Сама, говоришь?

– Ага, и восстановила все, что уничтожила.

Виктор и Кизильцев поднялись к профессору и лаборанту. Лица ошарашенные, радостные, глаза сияют.

– Как вы себя чувствуете, Игорь Михайлович? – спросил Виктор, хлопая профессора по плечу и украдкой осматривая, словно что-то ища на его фигуре. – Вы помните, что произошло?

Профессор снова усмехнулся:

– Ну конечно, никогда склерозом не страдал. Если бы не помнил, вряд ли смог бы восстановить все это. Хотя молекулярная структура и записана в памяти массива наномашин, воспользоваться ею было бы сложнее.

Профессор развел руками.

Кизильцева как кувалдой ударило, улыбка сменилась серьезным выражением лица:

– Восстановить? Мы думали, это вирус... Что вы имеете в виду?

– Я считал вас сообразительным человеком, коллега.

– Но... но... Разве это возможно?

Коваль улыбнулся, хитро поглядывая на выпучивших глаза людей:

– В современном мире ничего нельзя считать невозможным. Да, мое сознание слилось с серой топью. Разбирая материю на атомы, наномашинки сохраняют информацию о структуре в общей памяти. Разобрав меня и мой мозг, записав структуру клеток молекул и атомов, ассемблеры оцифровали мою личность. Разум и воля, помещенные в массив наномашин, взяли под контроль примитивные программы так же легко, как привыкли контролировать инстинкты. Серая топь стала мной, а я стал ею. Все в точности с моими расчетами.

Кизильцев захлопал ресницами:

– Расчетами? Какими расчетами?

– Обычными расчетами... – Профессор шагнул к стене корпуса, приложил ладони. Поверхность пошла пятнами и вдруг в мгновение ока запылала победно-оранжевым металлом. – Всегда любил оранжевый цвет, – хмыкнул он одобрительно, похлопал руку об руку, словно стряхивая пыль. Повернулся к разинувшим рот людям. – Да, я не рассказывал всего, идея достаточно дикая, нужен был эксперимент и значительный объем нанитов, чтобы вместить целую личность.

– Потрясающе, – только и смог вымолвить Виктор, – а я не поверил... Впрочем, второй раз тоже не поверил бы, безопасность прежде всего. Безопасность... – Он судорожно сглотнул пересохшим горлом.

У него забежали глаза, лицо пошло пятнами. Коваль сочувственно кивнул:

– Я не буду пока покидать территорию, щиты оставьте, мезонные генераторы поднимите до уровня корпусных подвалов и выставьте на минимум.

Виктор тяжело перевел дыхание – явно камень с души свалился.

Лавров вдруг нахмурился, взгляд стал суровым, обвиняющим:

– У вас был такой вид... отчаявшийся и испуганный... мы подумали, что просто уйдете из жизни.

– Да, тяжеловато было все-таки, сомнения, страх... Да и весьма болезненное это дело, надо сказать. Кстати, Виктор, предупредите президента, что все обошлось.

Виктор выудил из пиджака красный мобильник.

– Надеюсь, он не успел сделать заявление о потере контроля над наноботами. Репортеры наверняка беснуются. Так что ему доложить?

Коваль на миг задумался:

– Пусть сделает заявление... об успешном завершении эксперимента... «Зачеловек». А теперь ведите к Звяге, верну его... гм, атомы.

Артем Тютюнников. Музыка

Я слушал музыку, как вселенную, да та и была ею.

В несколько жутких мгновений она сжалась в Праатом, а в следующий миг вновь взорвалась энергетическим вулканом. Раскаленная материя устремилась вовне, превращая Ничто в Пространство.

Я с замиранием сердца слушал дрожание облаков сверхскоплений, внимал галактикам и звездным системам. Звезды извергают фонтаны вещества, и смещаются орбиты их планет.

Сам рельеф небесных тел изменчив, дрожит во всеобщем ритме, заданном всевластным демиургом. Раскатываются громы атмосферных потоков, океанские течения меняют ход, и это доходит до моего слуха.

По телу пробежал неприятный холодок, когда ощутил, как осциллирует каждая элементарная частица, словно мигает: вот она есть, а вот ее свойства совсем иные, а вот ее и вовсе нет – мелькнувший призрак на очередном заходе вселенского маятника. Мелодия суперструн.

Пространство заполняют волны всех природ и диапазонов: электромагнитные, гравитационные, глюонные... И за пределами вечной суеты складываются во что-то большее: звуки оркестра для единственного слушателя. Для меня.

Внезапно мир подернулся дымкой. По реальности прокатилась волна рассогласования, слух пронзил резкий разряд диссонанса. Интерфейс прервался, и меня словно бросило в космический вакуум. Я поднял веки, и в глаза тысячепудовым молотом ударил яркий свет.

Я бешено заморгал, вытер дрожащей рукой слезящиеся глаза. Сощурившись, с трудом осмотрелся.

В комнате светло, как на Солнце. На проекционном экране во всю стену замерло окно музыкального проигрывателя, столбики анализатора спектра застыли в очередном прыжке. В дверном проеме кто-то стоит, уставившись на меня.

Я через силу повернулся лицом к гостю, по шее прошла волна тупой боли, в голове разлилась озером расплавленного свинца. Из глотки вырвался стон.

– Стат, ну ты соображай хотя бы, что делаешь! Какого черта тебе вообще здесь надо?..

Гость нахально ухмыльнулся, вошел в комнату. Подцепил со стола синюю коробочку, оценивающе осмотрел. Хмыкнул.

– Опять этой дрянью накачался? Растормаживатель образов? И ведь банальный расширитель сознания, на кой тебе оно надо!

Он швырнул коробок на столешницу, кинул мне оттуда три яркие упаковки.

– На вот, прими, надо же в себя приходиться.

Я кивнул с благодарностью, от движения голову вновь пронзила вспышка боли. Я высыпал на ладонь по паре капсул из каждой пачки, судорожно бросил на язык. Поспешно схватил со столика бутылку и запил водой прямо из горлышка.

Блаженно откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза. Боль медленно растворялась, уходила прочь. Вскоре под веками перестали метаться галактики и взрываться сверхновые. Я нечленораздельно промычал что-то благодушное.

– Подо что кайфовал-то? – раздался голос Стата. – Опять расширенные переложения какой-то древности? Моцарт, Бетховен, Бах?..

– Бах... – ответил я и осторожно открыл глаза.

Стат поморщился.

– Владисвет, твой вкус ужасен. Хотя с этой штуковиной и не с такого проберет. Впрочем, – сделал паузу, обвел комнату взглядом, – аппаратура у тебя тоже располагает. Звук, должно быть, сногшибательный, динамики в каждом углу. Соседи-то не жалуются?

Я возмутился:

– Соседи?! Ты меня за мелкого хулигана принимаешь? Полная звукоизоляция! У меня здесь практически собственная вселенная.

Стат кивнул, вероятно мыслям.

– И давно выбирался из своей вселенной?

У меня аж брови взлетели на лоб.

– Выбирался? Зачем?! Продукты заказываю через Сеть, музыку качаю тоже, даже выполненную работу в офис пересылаю! Ну да, там надо разок в месяц появиться лично, но это, слава богу, не много времени отнимает. Чего еще надо?

Стат покачал головой.

– Ну хорошо, а работал ты когда в последний раз? Я имею в виду – не просто какой-нибудь проектик для своей конторы шабашил, а сочинял, компоновал, записывал? А?

Я замер, по венам пробежал жидкий лед. Странное беспокойство сжало сердце холодной лапой. Мгновенно попытался сконнектиться с домашним персональником, удалось с третьей попытки: мысли путаются, и мозги напрочь отказываются работать. Стат подал со стеллажа баночку с таблетками ноотропов, я послушно закинул в себя пару кругляшей, в голове прояснилось. Наконец на дисплейную глазную линзу спроецировалось окошко интерфейса. Я поскакал по директориям, как заяц по кустам: Творчество – Работы – Аудио. Последний файл датирован тремя месяцами тому назад. Порылся в архивах заготовок, но и там ничего новее. Боже, что я делал столько времени?!

Я поднял ошарашенный взгляд на Стата, тот терпеливо ждет, ответ прочитал на моем лице. Кивнул, резко поднялся с места.

– Значит, так, – сказал он строго, – собирайся немедленно, сегодня я тебя вытащу из твоего кокона, так или иначе.

– Куда же это, интересно?

– Сегодня по Сети вживую пойдет выступление одного парня, нейромузыка с семантическими элементами. Пойдем в клуб, там и приобщимся к высокому.

Я уже встал с дивана и через персональник отрубал домашнюю аппаратуру, посетовал скорее для проформы:

– Нейромузыка? Опять ты со своим мозговым онанизмом! К тому же у меня и дома соответствующий транслятор имеется, почему бы не послушать прямо здесь?

Стат внезапно положил руку мне на плечо, посмотрел прямо в глаза. Мне показалось или в его взгляде мелькнула тень беспокойства?

– Я хочу, чтобы ты поглядел на тамошнюю публику, – проговорил медленно и четко. – Поверь, это стоит увидеть.

Мгновение мы смотрели друг на друга, потом неожиданно он улыбнулся:

– Да, и кончай мне тут на Лема ссылаться. Сам знаешь: нейромузыка с цереброматикой не имеют ни грана общего.

Он подмигнул и двинулся в прихожую. Я поглядел вслед и начал собираться активнее. Через пару минут мы покинули квартиру.

Эскалатор буквально вытолкнул на поверхность, и глотка подземки выплюнула нас в лицо мегаполиса.

Сверху обрушились водопады искусственного света, слух наполнили громкие голоса, долетает издалека музыка. Впереди на громадной площади разлилось целое людское море, ходит волнами, вот-вот заштормит. Десятки лиц, в воздухе витают радость и веселье – похоже, Стат затащил в популярное место вечернего отдыха.

Здания вокруг пылают огнями вывесок и реклам, ночное небо расцвели безумные краски голограмм. Дополненная реальность высыпала сотнями значков и указателей, спам-

блокиратор мелькнул на дисплейной линзе тревожным красным огоньком, но быстро справился с перегрузкой. Число ярлычков тотчас сократилось вдвое.

Стат тронул за плечо, нетерпеливо махнул рукой.

– Сюда, – сказал он и нырнул в толпу.

Я кинулся за ним, боясь в суматохе потерять из виду. Живой океан лиц и тел сомкнулся вокруг, что-то толкнуло в бок, едва не развернуло. Я стал пробираться за Статом, некоторое время еще удавалось следить за его спиной, но когда наконец отстал, впереди над головами зажегся виртуальный путеводный огонек, и я пошел на него.

Периодически задевали встречные, но от них веет таким добродушием и сытой веселостью, что даже не хочется бросать вслед возмущенные взгляды. Почему-то совестно хоть чуть испортить настроение столь искренне развлекающимся людям. Мало ли, от каких бед сюда спастись пришли.

Наконец выбросило из толкотни на берег этого беспокойного водоема, тут же налетел, как на стену, на строгий взгляд Стата, мол, где пропадал. Неужто боится, что сбегу?

– Мог бы и подождать, – сердито ответил я на молчаливый вопрос, – сначала тащит не пойми куда, к черту на кулички, а потом еще и толкайся за ним...

Стат нахмурился, но качнул приглашающе головой. Двинулись дальше.

Нырнули в нутро переулка. Сгустился сумрак, и тепло и свет центральных улиц как ветром сдуло. Льются лишь синие лучи ламп «дневного» света, да впереди, как в тумане, повис размытым пятном логотип какого-то заведения.

– Ну что, готов к катарсису? – насмешливо поинтересовался Стат.

Я крикнул скептически, Стат поморщился.

– Да знаю я твое отношение к нейромузыке, можешь не напоминать. Но, обещаю, об этом визите не пожалеешь. Будет нечто особенное.

Я глянул искоса.

– Уверен?

– Точно!

Он широко улыбнулся, но мне опять почудились натянутость и тень беспокойства в его лице. Или только показалось?

Я наконец разглядел вывеску, узнал «Аккорд», один из главных музыкальных клубов столицы. Место, что называется, культовое. Давно же здесь не был!

– Пришли, – сообщил Стат.

Фотоэлементы на входе деловито просканировали его, пискнул разрешающий сигнал, и Стат скрылся внутри. Я почти физически ощутил пристальный взгляд техники, невидимые лучи прошли по телу, кажется, даже как-то странно кольнуло в кончиках пальцев. Автомат крепко задумался, внутри что-то пикнуло и затрещало недоуменно и строго. Наконец фейс-контроллер выдал «добро» и считал с моего персональника, вживленного над левой бровью, входную плату. Я шагнул в помещение.

В ноздри ударил крепкий запах сигаретного дыма, доносятся глухие ритмичные звуки. Я двинулся по полутемному коридору, в другом конце на фоне освещенного проема маячит фигура Стата.

С каждым шагом звуки все громче – похоже, музыка играет в главном зале. Грохочущие ритмы бьют каменными глыбами в стены и свод, меж ними мечутся отчаянные обрывки мелодий, словно из динамиков рычит и визжит раненый зверь.

Я поравнялся со Статом и оказался на пороге большого зала. Музыка обрушилась с невиданной силой, буквально вбила барабанные перепонки в ушные каналы. Звук сейсмической волной трясет все вокруг, пол так и норовит уйти из-под ног и провалиться раздробленным крошевом под землю.

В ухе пикнуло, едва расслышал в этом гаме, перед глазами развернулось сообщение: «Ну что, как атмосфера? Стат».

Взгляд привычно скользнул по знакомому помещению. Мечутся огни светомузыки, люди снуют туда-сюда, некоторые совершают ритмичные движения в такт чудовищному реву колонок. Справа угадывается в полумраке возвышение, там несколько столиков, посетители выпивают, ведут неспешные беседы. На противоположной стене развернулся проекционный экран, на нем перетекают друг в друга цветные пятна и тени.

Я еще раз обвел зал взглядом, что-то не так, цепляет глаз. Вдруг остановился, всмотрелся, не веря глазам. В центре, на месте танцевального партера, стоят стройными рядами десятки кресел. Суставчатые конструкции опор, сидений и спинок блестят неярко, словно с тайной гордостью: покрытые новейшими нанопленками, детали практически лишены трения и готовы изогнуться под любым углом. Мягкая обивка так и манит сесть, обещая тут же принять форму тела. На подлокотниках устроились тачпады коррекции положения: можно откинуться, даже лечь, поменять твердость различных частей. Готов поспорить, эти штуки даже массаж умеют делать...

Терминалы нейровоздействия.

Слушатели уже понемногу занимают места.

– Ну как? – донесся голос Стата.

Я внезапно понял, что слышу его четко и ясно, ровный спокойный голос. Гремящая музыка стихла, даже не заметил, когда наступила тишина.

Стат смотрит с ожиданием, губы вновь растянуты в ироничной ухмылке. Нервный тик у него, что ли?

– Гм... – В горле почему-то сделалось сухо, я откашлялся, произнес: – Обычно, насколько помню, все любители нейромузыки запросто умещались в эдакой комнатухе где-то на втором этаже. Там и стоял десяток терминалов. Откуда такое многолюдье?

Стат хмыкнул довольно.

– Вот то-то и оно. Я же обещал, будет кое-что необычное. Кстати, помнишь, что тебе говорил: присмотришься к публике. Как находишь почтенное собрание?

Я пробежался по лицам: все разные, но всюду читается нетерпеливое ожидание. От зрительских рядов долетает неумолчный говор, активно обсуждают предстоящее действо, некоторые даже горячо жестикулируют. Предвкушение чего-то особого и важного буквально пропитало воздух.

Вообще, никогда не видел здесь столь разношерстного люда, равно как не припомню такого единодушия по поводу предстоящего концерта.

– Похоже, этот твой новоявленный гений нейромузыки вызвал ажиотаж, – ответил я задумчиво.

Стат кивнул.

– Ну что? Займем места?

Мы двинулись к импровизированному партеру, опустились на места в одном из средних рядов, с краю. Только я коснулся кресла, оно будто проснулось. Ощутил, как едва заметно сместились какие-то механизмы, подстраиваясь под мою комплекцию. Я чуть откинулся и подкорректировал положение тачпадом.

Мгновением позже от кончиков пальцев к плечам пробежал странный холодок, по спине волной промчались мурашки. Видимо, это отразилось у меня на лице, Стат сказал успокаивающе:

– Не пугайся. Это терминал проверяет нейроконтакты. Подает слабые импульсы и считывает твою реакцию.

Ну да, как же, не пугайся. Честно говоря, особо переживать и не собирался, но неясное предчувствие чего-то нехорошего упрямо болтается на донышке сознания.

Нейромузыка транслирует сигналы непосредственно в узлы и центры нервной системы. Задействован весь спектр эффектов: от зрительных и слуховых галлюцинаций до эмоционального возбуждения. Специальные раздражители активизируют осязательные и обонятельные рецепторы, слабые сверхточные электромагнитные поля вызывают реакцию различных участков мозга. Все сопровождается звуком, часто обычной музыкой и определенным видеорядом.

Поговаривают, терминалы нейровоздействия вышли на свет божий из секретных лабораторий спецслужб. Там якобы прорабатывали вариант глубокого воздействия на психику с целью массового промывания мозгов. Однако все, чего удалось достичь, – слабый эмоциональный отклик и формирование неких простейших образов в сознании испытуемых. Хватит, чтобы создать настроение на полчаса, но явно недостаточно для управления послушными массами. Проект потерпел неудачу. Впрочем, «серые кардиналы» не растерялись и нашли разработкам иное применение.

Почему-то в полную неудачу всемогущих спецслужб верится плохо, но вот то, что изобретатель нейротрансляторов неплохо заработал на своем детище, – факт. Вместе с получившими широкое распространение еще раньше нейроинтерфейсами, переводящими активность нервной системы в компьютерные команды, они позволили наладить обратную связь между пользователем и машиной, и теперь целый букет приложений новой технологии расцвел буйным цветом. Нейромузыка из них, пожалуй, самое простое и очевидное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.